

Анри Ситарфел

ЧЕРНИЛЬНАЯ ДЕВУШКА

Не прельщайтесь злом...

18+

Анри Старфол

Чернильная девушка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Старфол А.

Чернильная девушка / А. Старфол — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-10960-5

Однажды писатель Денис Леваев осознает, что больше не может создавать свои мрачные произведения. Желая изменить стиль творчества, но не найдя одобрения собственному замыслу, он затаивает смертельную обиду. В попытке отомстить всему миру, писатель принимается за свой самый черный роман и создает на его страницах образ женщины, в который влюбляется без памяти. Но постепенно мужчина понимает, что его возлюбленная нечто большее, чем исписанные чернилами страницы романа, и волею обстоятельств оказывается втянутым в невероятную историю, полную духовного поиска, мистики, опасностей и настоящей, очищающей душу, любви...

ISBN 978-5-532-10960-5

© Старфол А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1

Тишину морозной ночи нарушил вопль, раздавшийся внутри деревянного дома. Вслед за ним, окно второго этажа разлетелось от удара изнутри, и старая печатная машинка марки «Ундервуд», со звоном разбитого стекла, полетела в снег. В эту же зияющую дыру, стайей бьющихся в агонии белых птиц, выпорхнули печатные листы.

Мужчина ходил по своему рабочему кабинету и, пошатываясь, крушил все, что попадалось ему на глаза. Он швырнул об стену цветочный горшок, который разлетелся и засыпал землей письменный стол у стены. Пока широко раскрытые, серо-голубые глаза разгневанного человека недобро блестели из-за черной оправы очков, его ладони стали хаотично выводить на глади стола непонятные и причудливые узоры. Он сел на пол, прижавшись к выдвижным ящикам стола, пошарил по карманам куртки, достал металлическую фляжку и, допив виски, выбросил ее в разбитое окно. Дотянувшись до лежащей на полу деревянной шкатулки, мужчина достал из нее дрожащими руками самокрутку, нащупал в кармане зажигалку и закурил. Выпуская из ноздрей дым, он устало смотрел в разбитое окно. Ветер, чуть треплющий его короткие, русые волосы, заносил в комнату легкий снег, падающий на разбросанные книги, ручки, тетради, сломанные модели парусных кораблей и разломанный пополам ноутбук.

Когда с травкой было покончено, мужчина лег на холодный пол и уставился в потолок. Из кармана куртки, громко и издевательски позитивно, заиграла музыка. Мужчина достал черный смартфон американской компании ВТУ, посмотрел, кто ему звонит и отбросил его в сторону. Телефон то замолкал, то снова принимался гудеть, дребезжа на полу своим глянцевым корпусом.

Продолжая игнорировать повторяющиеся звонки, мужчина задремал, но через какое-то время его вырвал из сна резкий звонок домашнего телефона, раздавшийся с первого этажа. Мужчина растерянно хлопал глазами и приподнялся на локтях. Телефон на первом этаже продолжал требовательно звенеть, нарушая недавно воцарившееся, мрачное спокойствие дома. В кабинете перегорела одна из лампочек люстры, и тусклый свет померк до мрачных оттенков, постепенно синеющих в углах рабочего кабинета.

– Настырная барышня, – пробормотал мужчина, и медленно дотянувшись до мобильного телефона, набрал последний пропущенный вызов, после чего стационарный телефон на первом этаже тут же замолчал.

– Что тебе нужно, Ева?

– Как ты смеешь не отвечать на звонки и пропадать на три дня? Ты, вообще, имеешь хоть малейшее представление о том, как себя должны вести приличные люди? Твой литературный агент уже достал меня своими звонками! Все хочет, чтобы я тебя образумила! А как можно образумить паталогического ребенка, застрявшего в теле тридцати пяти летнего мужика?

– Ева, я...

– Каждый раз одно и то же! Ты ныряешь в бутылку, а я должна вытаскивать тебя с ее дна! Ты совсем обо мне не думаешь! Тебя не волнует, что у меня вагон важных дел! Вместо них, я сижу и обрываю телефоны своего братца, боясь, что он не отвечает на звонки и не открывает дверь потому, что валяется мертвый у себя на кухне! Валяется, потому что в пьяном угаре поскользнулся и долбанул затылком о край стола! Ты – алкоголик и наркоман, который страдает приступами глупой меланхолии! С тобой одни нервы! Из-за тебя я стану страшной старухой! И на твоей совести будет тот факт, что мир лишился красоты такой женщины как я!

– Ева, послушай...

– Ты думаешь только о себе! Тебе плевать на чувства и потребности других людей! Меня оскорбляет твое поведение! Оно доставляет одну боль, Денис!

– Ева, – глаза Дениса заблестели от слез, – я сломал судьбу одному невинному человеку. Хотя, я не уверен, что только одному...

– Твое пренебрежение в делах возмутительно! Известный автор с большой читательской аудиторией играет в затворника и пропадает, когда должен сосредоточиться на предстоящих, важных мероприятиях...

Денис поднялся с пола, занесенного тонким слоем снега и, опираясь о стены, побрел на первый этаж. Телефон, из которого доносился голос сестры, мужчина держал в опущенной руке. Когда он дошел до кухни и положил его на обеденный стол, то включил громкую связь.

– ...мечтают о такой жизни, как у тебя! – на кухне раздался громкий голос сестры. – Пиши и радуй читателей! И позвони, наконец, своему литературному агенту! Он очень волнуется за твою результативность! – в телефоне ненадолго воцарилось молчание. – Ты, вообще, меня слушаешь или я сама с собой разговариваю?

Писатель достал из бара початую бутылку виски и, откупорив ее, сел на край обеденного стола. У мужчины случился спазм желудка, и задетая ногой полупустая бутылка из-под вина, покатавшись по глади стола, разбилась о кафель. Он посмотрел на расплывшееся алое пятно, прильнул к бутылке виски и сделал несколько коротких глотков. Писатель поморщился и посмотрел на лежащий рядом мобильный телефон, поблескивающий узорным, серебряным логотипом *Better than yours* на своей задней панели.

– О, а ты знаешь значение слова: «слушать»?

– Ты невыносим! Хочешь загубить свою карьеру – пожалуйста! Хочешь играть роль обиженного гения – на здоровье! Я дозвонилась – ты живой! Считай, мой долг сестры выполненным!

Денис фыркнул в сторону телефона и пошел складывать все подушки дома на подоконник разбитого окна в своем кабинете. На выходе из кабинета он подвернулся на лежащей под ногами модели парусной яхты «Атлантик» и с грохотом упал. Матерясь, писатель кое-как встал и, прихрамывая, побрел к себе в спальню.

Денис окинул взглядом большую кровать, прикроватные шкафчики, два платяных шкафа вдоль стен, зеркало в полный рост и большой музыкальный проигрыватель с коллекцией пластинок в комод под ним. Посреди обволакивающей тишины, пыли и паутины, писатель упал спиной на матрас. Слева от него, на прикроватной тумбочке стоял длинный, чуть загнутый подсвечник на одну свечу. Мужчина печально смотрел на него и слушал, как часы на стене бьют полночь.

Где-то рядом загромыхал салют, и окно темной спальни стало подсвечиваться бледными оттенками розового, зеленого и голубого. От этого грохота беспокойно залаяла соседская собака. Раздался визг автомобильных тормозов. Писатель лежал на кровати и вдыхал душный воздух с горькой примесью табака и марихуаны посреди затхлого короба, в который он собственноручно себя поместил. Его сердце учащенно билось от выпитого, а померкшие в красках ночи очертания комнаты медленно закручивались по спирали, напоминая причудливое полотно в художественном стиле сюрреализма.

– Я превратил перо в оружие и покалечил им человека, – писатель поморщился от неожиданно озвученной вслух мысли и тут же уличил в этом самого себя. – Во мне снова просыпается кухонный философ. Значит, я здорово надрался...

Резко склонившись над краем кровати, Денис непроизвольно очистил желудок. Рвотный позыв повторился, а виски из опрокинутой на матрас бутылки расплзся обширным пятном. Мужчина, быстро, насколько мог, направился в ванную комнату второго этажа.

К утру в доме заметно похолодало, и Денис проснулся. Он вывалился из ванной и, постанывая от боли в затекшем теле, стал медленно разминаться. Под шум воды из раковины, писатель умылся и посмотрел в зеркало, на худых скулах отросла щетина, белки глаз покраснели, а под ними проступали темные мешки. Кабинет был завален обломками моделей кораблей,

печатными листами и землей из цветочного горшка. Аккуратно ступая по полу, виновник этого хаоса приблизился к письменному столу и достал из него один из уцелевших прошлым вечером ноутбуков компании ВТУ. Мужчина раскрыл свой компьютер, и устало, с обреченностью во взгляде, уставился перед собой в только ему известную пустоту. Голова писателя болела, мысли путались. Одно за другим, произошедшие пару дней назад, события вспыхивали едко раскрашенными картинками, выстраиваясь нестройным рядом в воспоминаниях мужчины. Неожиданно для себя он осознал, что, не смотря на обилие выпитого вчера, хорошо помнит эти прошедшие три дня...

«Приступ глупой меланхолии», как любила говаривать сестра Дениса, начался у него с очередной разгромной статьи в журнале «Твой бестселлер», опубликованной три дня назад, в утро пятницы. Автор статьи посчитала своим долгом довести Дениса до такого душевно-творческого состояния, чтобы он не смог писать ничего длиннее пустых по смыслу комментариев в социальных сетях. Будучи лингвистом и филологом, она препарировала каждое произведение писателя, разбирала его на кирпичики и тщательно их осматривала. Поэтому, статьи этой молодой женщины уже пятый год тянулись надменным, уничижающим шлейфом за каждым художественным произведением Дениса.

В утро той злополучной пятницы, напившийся до полубомбочного состояния, Денис провел на интернет странице с разгромной статьей около трех часов. Писатель раз за разом ее перечитывал, смакуя самым мазохистским образом каждое слово и каждый оборот речи. После того, как статья была прочитана в пятнадцатый раз, мужчина распечатал ее на принтере и достал из ящика стола толстую кожаную папку со шнуровкой. В ней, аккуратно сложенные и пронумерованные, находились вырезки других статей из журналов и газет, а также распечатки публикаций из интернета. Все они были посвящены критике творчества писателя. Он погладил папку, вложил в нее распечатанные листы со статьей, проставил номера страниц и крепко завязал ее на шнуровку. Хлопнув папкой о ящик стола, он с силой закрыл его, и маленькая причина душевной бури оказалась заточенной в своей плоской тюрьме, среди других, таких же заключенных. В этот момент у писателя зазвонил мобильный телефон, но мужчина, даже не взглянув, кто ему звонит, сбросил входящий вызов.

В спальне, около большого зеркала Денис несколько минут с критичным выражением лица осматривал свое отражение. Громко фыркнув, писатель снял с себя рубашку и достал из шкафа чехол, в котором на вешалке пристроился растянутый свитер горчичного цвета. Мужчина достал свитер, повертел его в руках и прижался к колючей фактуре вещи. Он надел свитер и, игнорируя неприятное покалывание и зуд на теле, расплылся перед зеркалом в умиротворенной улыбке. Телефон, оставленный в рабочем кабинете, загудел снова, но Денис, как и прежде, не обратил на него никакого внимания. Погруженный в свои мысли, писатель надел на свитер серый пиджак и принялся медленно прохаживаться у зеркала, критично осматривая свое отражение. Он подмигнул самому себе и выдавил из себя театрально приветливую улыбку:

– Здравствуйте! Я – Денис Леваев, автор песен, писатель и сценарист. Что? Выгляжу как преуспевающий, довольный жизнью человек? Ну что вы, спасибо. Право, не стоило!

Лицо мужчины приобрело горестное, саркастическое выражение. Он отвернулся от зеркала, снял с себя серый пиджак и рывком бросил его на пол:

– Нет, это не подходит. Это совсем не то...

Писатель перешагнул через брошенный пиджак к шкафу, втиснулся в севшую после неудачной стирки синюю спортивную ветровку, и прижатый к телу свитер стал жечь кожу еще сильнее. Игнорируя жжение, мужчина надел на руки несколько старых плетеных браслетов:

– Привет! – обратился он к отражению. – Перед вами – известный писатель Денис Леваев. Не выношу заскорузлых стереотипов в мышлении и консервативной, до скуки, моды. Одеваюсь, как мне удобно, потому что я творческая и уверенная в себе личность. Вам нравится? Что же, сказал бы, что рад, но я не нуждаюсь ни в чьем одобрении. Я выше этого.

Денис перемерил еще несколько вариантов образа, и остановил свой выбор на черных джинсах и черном пиджаке, поверх горчичного свитера. По ступеням лестницы писатель спустился в прихожую, где в прямоугольнике открытой им входной двери виднелась снежная белизна двора. Мужчина не спешил выходить и смотрел на порог – черту, отделяющую его от внешнего мира. Вздохнув, он сделал неуверенный шаг вперед:

– Свет. Занавес. Представление начинается...

Писатель кое-как вклинился на своем белом седане BMW пятой серии между стоящими у обочины машинами и припарковался на тротуаре, напротив ресторана быстрого питания. Прикрывая ладонью лицо от сильного ветра, мужчина пошел по улице. Он замедлил ход у здания городского суда, с которого на него недобро смотрели мрачные скульптуры ангелов. Небесные жители, распахнув свои широкие крылья, целились копьями в собственные тени под фасадом, а замерзший снег на их головах горел сединой.

– В этом мире даже ангелы отбрасывают тени.

Денис обернулся на голос. Позади него стоял мужчина в оранжевой жилетке, с профессиональной фотокамерой в руках и с немецкой овчаркой на поводке. Его яркая одежда настолько сильно контрастировала с серым, ничем не приметным лицом, что он больше походил на манекен, который невероятным образом ожил для импровизированной прогулки. Черты лица этого человека с камерой, казалось, навсегда застыли в беспристрастном выражении, показывая его абсолютное равнодушие к происходящему вокруг. Он сделал несколько снимков здания суда, после чего меланхолично уставился на писателя.

– О, привет, Алек. Не знал, что ты вернулся в город, – сказал Денис.

– Да уже полгода, как вернулся.

– Мне помнится, ты продал свою квартиру. Где же ты сейчас живешь?

– Мы с Сэмом снимаем угол у твоего ворчливого дяди, – мужчина потрепал немецкую овчарку за намордник. – Хотя, этот портовый труженик постоянно и придирается, считая каждую копейку, но зато помог мне устроиться электриком на судоремонтный док.

– Как электриком? Ты же по образованию медбрат.

– Ну, жизнь заставляет. Тем более, я всегда любил возиться с электроникой и прочим. А тут еще и платят неплохо.

– Понятно. А что не звонишь, не заходишь? Не чужие люди все-таки.

– Ну, мы расстались не при самых приятных обстоятельствах. После того, как мы врезались в дерево, я по-прежнему хромаю и не могу нормально бегать. И все твоими стараниями, Денис...

– Извини, что так вышло, я не хотел.

– Ну, конечно, не хотел, – мужчина еле выдавил из себя улыбку, больше похожую на болезненную гримасу. – Люди часто жалеют о том, что сделали на пьяную голову, верно?

– Ну да, наверное, – нервно протараторил писатель. – Гуляешь в поисках вдохновения?

– Какое вдохновение, Денис? Серые будни и такие же серые люди вокруг, присмотришься.

Свет фотовспышки – единственное, что делает их чуточку ярче.

– Как пессимистично, тебе явно не хватает в жизни цвета. Все же, зайди как-нибудь, выпьем, поговорим...

– Денис, я не пил, когда был твоей «нянькой», не пью и сейчас.

– Зря, может, был бы жизнерадостнее. Это помогает.

– По тебе что-то не заметно, Денис. Куда сейчас направляешься? Случайно, не в «Реквием»?

– Да, куда мы любили ходить с женой, ну, когда были вместе.

– После ремонта атмосфера заведения там совсем не та, – Алек посмотрел на писателя с прищуром и, наставив на него объектив, сделал несколько снимков. – Но я тебя понимаю. Ностальгия и все такое.

– У меня в эту субботу презентация книги, – писатель заговорил быстрее. – Приходи, если хочешь. Ресторан «Подлодка». Начало в шестнадцать часов.

– Хм, новый «продукт», да? Снова планируешь хорошо продаться?

– А ты разве не знаешь? – Денис саркастично оскалился, а в его глазах мелькнуло отвращение. – Я уже давно продался...

Под пристальным взглядом грозных ангелов, Денис быстро пошел, оставляя на белом снегу тянувшийся грязный след. Оглядываясь, писатель перебежал дорогу перед старым японским автобусом Hyundai и звякнул колокольчиком входной двери в кофейню. Любимый столик у окна был занят пожилой парой, и мужчина, вдохнув аромат кофе и свежей выпечки, прошел к белой барной стойке. Избегая взглядов посетителей, он занял один из высоких стульев.

За барной стойкой стояла рыжая девушка с курносый носом, усыпанным веснушками. При виде посетителя, она кокетливо провела подушечками пальцев по своей шее с вытатуированными, черными птичками. Ее округлое, по-детски милое и румяное личико не сочеталось с многообещающим и откровенным взглядом, в котором угадывалась склонность к довольно развязному образу жизни и желанию поиска новых, сомнительных удовольствий. Девушка, похожая на ангелочка, оскверненного пороками этого мира, подалась чуть вперед и с придыханием поприветствовала писателя:

– Денис Андреевич, здравствуйте! Что-то вы сегодня поздно.

– А, привет, Таня. Новая укладка?

– Вы заметили!

– Желаю капучино из твоих заботливых рук.

– А бутербродики? – Таня надула губки.

– Почему бы и нет. Давай большую порцию.

Денис поднял глаза к расположенным по периметру стен потолочным пузатым светильникам, которые, свисая на своих длинных цепочках, бросали на белые стены красные, желтые и синие тона. В темных рамках на стенах заведения висели постеры в стиле «Поп-арт», а из аудиоколонок по залу разносились приглушенные мотивы джаза. Писатель провел ладонью по шершавой плоскости барной стойки и забарабанил по ней пальцами.

– Денис Андреевич, как у вас дела?

– Лучше всех, Таня, – Денис выдавил из себя улыбку. – Лучше всех.

– Снова вы пришли в своем смешном свитере...

– Ну, я привык в нем работать. Мне так комфортно.

– Дело ваше. А над чем сейчас работаете?

– Ты каждый раз это спрашиваешь.

– А вы каждый раз не хотите отвечать.

– А чего бы ты хотела из-под моего пера?

– Что-нибудь про драйв и любовь! – кулинарные шипцы в руках Тани остановились на середине пути к бутербродам, и девушка мечтательно подняла глаза. – Что бы «он» был каким-нибудь обаятельным негодяем-соблазнителем на старом Harley, а «она» – неопытная в сексе, доверчивая простушка!

– Старо, как мир. Сближение разных полюсов на почве секса.

– Да нет же! Я хочу love story про то, как люди раскрываются друг другу через страсть. Не избитое: «он схватил ее за задницу – она завизжала», а что-то интересное, чтобы увидеть, как низко может упасть человек, ведомый страстным желанием.

– И это тоже было.

– Вы меня не понимаете, – девушка поставила перед Денисом кофе и ассорти маленьких бутербродов на холщевой бумаге. – Мне нужна история про то, как страсть меняет человека, его мысли и все такое...

– Мужика тебе хорошего надо, Таня, а не книжку, где секс выдают за философию жизни.

– На себя намекаете? – девушка захлопала ресницами и, облокотившись на локти, подняла зону декольте.

– Я для тебя староват.

– А по-моему, в самый раз. Кстати, старики освободили ваш любимый столик. Пойду, уберу после них песок, чтобы вам там было комфортнее.

– Слишком едкий комментарий для хорошей девочки.

– Я безнадежно плохая девочка, Денис Андреевич. Прошу вас это запомнить.

Денис печатал за своим любимым столиком, изредка попивая кофе. Если мужчина ловил на себе чей-то взгляд, то быстро отводил глаза, возвращаясь к черным рядам текста. В это время люди вокруг приходили и уходили, сменялись треки из аудио колонок, а запах крепко сваренного капучино постепенно уступал аромату выставленного в витрину яблочного пирога, который постепенно затих в дымной, подкопченной симфонии индейки, принесенной на соседний от писателя столик. Рука мужчины часто машинально скользила по глади стола и на его середине сжималась в кулак, не найдя оставшейся в прошлом, желаемой цели. Он провел в заведении два часа, махнул на прощание Тане и звякнул колокольчиком входной двери. Краски мира становились невыносимо серыми и грязными. Лица прохожих с каждой минутой мрачнели все больше и больше. Писатель ускорил шаг, чтобы поскорее вернуться к себе домой.

Дома он упал на колени перед раскрытым домашним баром, озарившим теплым, уютным светом мрачную кухню. Сияние из бара рассеялось в нестройных и полупустых рядах бутылок, рядом с которыми, в очередной шкатулке, лежали заранее приготовленные самокрукты.

Виски внутри стакана закружился в танце кубиков льда и слился с черной шипящей газировкой. Довольный, писатель развалился на диване у камина и с блаженной улыбкой, мягким, блуждающим взглядом смотрел, как в очаге камина потрескивают дрова, извергая в разгоряченный воздух сноп оранжевых искр.

Денис вспомнил, что из-за судороги во всем теле проснулся тогда во время темной, безветренной ночи. Бутылка на столе была полупуста и холодна, как и весь дом, окутанный мрачным ожиданием следующего дня. Писатель поднялся и походил по гостиной, скидывая указательным пальцем с полок пустые рамки для фотографий и маленькие, пыльные вазочки. Ухватив за горлышко бутылку виски, он вышел на улицу.

Стоя на морозе в белой майке и джинсах, выдыхая в воздух струю пара, Денис с вызовом смотрел в чернильные просветы пепельных облаков, где мерцали равнодушные звезды. На голове писателя расположились стерео наушники, а в руках топор с длинной рукоятью. Резко задрав голову, мужчина сделал последний глоток из бутылки и бросил ее в снег. В наушниках заиграл тяжелый рок, и Денис с остервенелой злостью разрубил пополам полено, стоящее на пне, поставил следующее и ударил снова. С каждым ударом его лицо искажалось гримасой ненависти. Каждый раз он бил так, словно казнил ненавистное ему, живое существо.

Утром субботы, за тринадцать часов до того, как старая печатная машинка марки Ундервуд полетит с осколками стекла в снег, Денис лежал в своей кровати и через щель между одеялом и подушкой наблюдал, как с прикроватной тумбочки на него осуждающе смотрит будильник, показывающий двадцать минут двенадцатого. Денис протер рукой глаза и, поморщившись, накрылся одеялом с головой. Час за часом, он лежал в своем коконе и, почти не двигаясь, смотрел в черную пустоту перед собой. Из рабочего кабинета часто доносилось тихое жужжание мобильного телефона, и, когда писателю оно окончательно надоело, он поставил Штрауса на громоздком проигрывателе пластинок. Под вальс «На прекрасном голубом Дунае», мужчина снова плашмя упал на кровать и, чуть подергивая ногой над ее краем, закурил.

Вечером, по своей личной, субботней традиции, Денис как обычно возвращался в шестом часу домой с виски Old King из магазина и заметил, что за ним на малой скорости едет серый внедорожник Nissan. Мужчина ускорил шаг и свернул на ближайшем повороте, но не туда, куда ему было нужно. Автомобиль повернул следом за писателем и, обогнав его,

припарковался у тротуара. Денис подошел к внедорожнику, но водитель выходить из машины не спешил. Когда писатель постучал в окно, стекло автомобиля с механическим шелестом скользнуло вниз, и в образовавшейся щели, как из танка, на него посмотрела пара испуганных, бледных глаз:

– Извините, это вы Денис Леваев?

– А кто спрашивает?

– Извините, если напугал вас, – глаза в прорези нервно моргнули. – Меня зовут Виктор.

– Что вам нужно от меня?

– Понимаете, – Виктор тяжело вздохнул, – у моей дочери сегодня день рождения. Она обожает ваши книги. Не могли бы вы заехать и поздравить ее. Для моей девочки – это будет лучший подарок.

– Вы следили за мной?

– Нет! Нет! Я случайно услышал, как вы крикнули задевшему вас плечом у магазина прохожему, что вы – писатель Денис Леваев и не позволяйте обращаться с собой, как, я извиняюсь, с собакой...

– Может, я пошутил?

– Моя дочь мечтает познакомиться с Денисом Леваевым лично. И вот, в день ее рождения, я слышу, как человек на улице кричит, что он – тот самый писатель. И я подумал, это ли не чудо? Я решил, что сама вселенная послала мне такой подарок для моей девочки. Но, если я ошибся, то простите наивного старика.

– Нет, вы правы. Я – Денис Леваев. Тот самый писатель.

– О, это прекрасно!

– Но я ничем не могу вам помочь. Извините, может в следующий раз...

– Я прошу вас! Она больна и не может ходить! У моей девочки и так очень не простая жизнь. Сделайте добрый поступок и не лишайте ее такой радости. Если мы вместе зайдем в ресторан, где случится торжество, это будет самый прекрасный для нее подарок.

Денис остановился и нахмурился, а затем медленно повернулся к Виктору.

– Ваш голос кажется мне знакомым...

– Я готов заплатить вам! Скажите цену!

– А вы не могли бы показать свое лицо?

– З-зачем?

– Просто любопытно. Не считите за наглость.

– Пожалуйста.

Стекло скользнуло еще ниже, и в окне внедорожника показался печальный мужчина с проседью, неестественно серой кожей и сильно обвисшими щеками. Денис стал всматриваться в его лицо, и мужчина поспешно поднял стекло, оставив небольшую щель для глаз.

– Не уверен, что для меня удобно сейчас куда-то ехать...

– Вы же хороший человек, вы не обидите несчастную девочку!

– Это далеко?

– Нет, нет! Минут двадцать отсюда, не больше!

– Я загляну к ней ненадолго. Но в одной машине с вами я не поеду...

– Что вы! Можете поехать на своей машине!

– Я должен привести себя в порядок.

– Конечно, конечно! Я заеду за вами к семи часам. И мы вместе проедем до ресторана. Только, пожалуйста, не отстаньте по пути! Я не могу упустить такой шанс: порадовать дочь! Большое вам спасибо, вы добрейшей души человек!

– А вы знаете, где я живу?

– Я?

– Вы сказали, что заедете за мной.

– Я..., я имел в виду, что заеду по указанному вами адресу.

– Понятно...

Виктор остановился прямо на пешеходном переходе, который находился в пяти метрах от ресторана «Лес». Денис припарковался рядом и быстро вышел из машины. Оглядываясь по сторонам, писатель постучал в окно к мужчине, который снова выглянул из образовавшейся щели:

– Заходите в ресторан. А я пока достану подарок для моей девочки.

– Мне зайти одному?

– Да, она должна быть там.

– Должна? Вы, что, не уверены?

– О, нет, нет. Она там. Вы ее должны увидеть. Как только заметите ее, подойдите и громко скажите: «А вот и Денис Леваев!». Она будет в восторге.

– Как ее зовут?

– Ее зовут Наташа. Вы сразу ее заметите, не переживайте!

Денис зашел в ресторан с круглыми столиками и фисташковыми стенами, на которых висели металлические инсталляции в виде силуэтов разных животных. В свете свисающих с потолка больших лампочек на черных проводках, писатель увидел сидящую в инвалидном кресле девушку лет шестнадцати. Она меланхолично мешала ложечкой подтаявший пломбир, пока окружающие ее мужчины и женщины оживленно разговаривали за длинным столом. Денис потоптался на месте и, откашлявшись, направился к этой печальной фигурке. На середине пути он остановился и оглянулся в сторону двери – Виктор шел по улице вдоль витрины и нес большую розовую коробку с пышным бантом. Он радостно помахал писателю и ткнул указательным пальцем в девушку, от которой его отделяло стекло. Денис кивнул, вздохнул и подошел к сидящей в инвалидном кресле девушке.

– А вот и Денис Леваев!

Все разговоры за столом, как по команде стихли, и люди непонимающе уставились на незваного гостя. Только одна из женщин вскрикнула, а ее спутник, что сидел рядом с девушкой, поднялся с места, сверля Дениса мрачным взглядом. Он еще какое-то время пристально смотрел на писателя, словно желая убедиться, не привиделся ли тот ему. Девушка в инвалидной коляске тем временем посмотрела в глаза Денису и ахнула, закрыв лицо руками.

– Ты..., – мужчина сжал кулаки и вышел к писателю из-за стола.

– Папа Наташи попросил меня поздравить ее с днем рождения...

– Ты еще смеешь насмехаться над моей семьей?

– Но, я..., – Денис непонимающе повернулся к выходу и видел, что Виктора нигде нет. – Папа Наташи должен был...

– Я – отец Наташи! И ты еще смеешь в юбилей моей жены приходить сюда и издеваться над нами? Смеяться над моей дочерью, которая стала инвалидом из-за твоих жалких книг?

– Я не понимаю...

– Сволочь! – мужчина схватил Дениса за грудки и начал трясти. В лицо писателю полетели брызги слюны. – Убью, сволочь!

К отцу девочки присоединились еще несколько мужчин из-за стола. Они толкали писателя и оскорбляли его. В эту сумятицу кое-как втиснулась администратор ресторана. Громко призывая к порядку, она пыталась успокоить разгневанных мужчин, но у нее это не получалось. Многие посетители достали телефоны и принялись с интересом снимать происходящее. Кто-то садистки хохотнул, когда писатель получил первый, размашистый удар по лицу.

– Она сорвалась с моста из-за твоих книжонок! Начиталась про «свободную» любовь! Она теперь инвалид! Ты понимаешь это? Она никогда не сможет ходить! – Денис получил удар в ухо от одного из спутников мужчины. – Этого не доказать, но я знаю, что ты в этом виноват!

С третьей попытки Денис вырвался из стискивающих его рук и побежал под прицелом наставленных на него телефонов. Беглец получил удар с ноги в спину и выкатился из ресторана на грязный снег. Тут же вскочив, он, тяжело дыша, побежал к своему автомобилю. Ни Виктора, ни его серого внедорожника нигде не было видно – только большая розовая коробка с пышным бантом валялась на тротуаре. Писатель никак не мог совладать с собой и достать трясущейся рукой из кармана ключи. А в это время отец девушки выбежал за мужчиной на улицу и закричал ему вслед:

– Почему ты так ненавидишь людей? Что они тебе сделали? А? Что они тебе сделали? Что они тебе сделали? Отвечай мне!

Денис залез в машину и с ревом двигателя понесся прочь. Он доехал до пролеска за городом и припарковался на обочине. Вцепившись трясущимися руками в руль, писатель стал плакать. Когда он подъехал к дому, на кованом заборе его участка висел большой плюшевый медведь и подарочный пакет. Мужчина вышел из автомобиля и медленно подошел к этим странным вещам. На лапу плюшевой игрушки была приклеена поздравительная открытка. В ней было написано:

«Подарок для моего доверчивого мальчика».

Стоя посреди кухни, Денис заглянул в подарочный пакет и увидел внутри две коробки. Писатель выложил их на кухонный стол и присел рядом, сверля эти подозрительные подарки взглядом. Жгучее, игристое, любопытство перемежалось в его душе с холодной осторожностью. Рука не раз тянулась в сторону стола, но на середине пути, замирала и снова опускалась на колени. Наконец, мужчина аккуратно взял в руки первую, длинную коробку с наклеенным на нее смайликом. В ней оказалась черная рация и зарядное устройство для аккумулятора. Писатель с мрачным видом повертел это средство связи в руках и, отложив в сторону, взял в руки вторую коробочку с наклеенной на нее радугой и единорогами. Крышка на ней оказалась довольно тугой, и писатель открыл коробку рывком. Под раздававшийся хлопок, лицо и руки отскочившего назад Дениса окрасились в розовый цвет. Мужчина выронил коробку, громко выругался и принялся протирать руками глаза. Кое-как добравшись до кухонного крана, он подставил под ледяную струю свое искаженное гримасой гнева лицо.

Денис стоял в ванной комнате и безуспешно пытался оттереть одеколоном розовую краску. Растерев щеки и лоб до красноты, мужчина швырнул пузырек с одеколоном о кафельную плитку, от чего тот разлетелся вдребезги. Пошатываясь, Денис вернулся на кухню и со всей силы ударил злополучную коробку ногой. Под ней, писатель увидел еще одну записку:

«Теперь ты выглядишь чуточку веселее, так что улыбнись, уродец! Если хочешь сказать спасибо за то, что я сегодня поднял тебе настроение, включи рацию ровно в 12.00. Заодно пошепчемся о жизни и о смерти».

«С не самыми лучшими пожеланиями, твой друг – Gloom».

Денис сидел за рабочим столом в кабинете и, зажав в руках заряженную рацию, гипнотизировал настенные часы. Как только наступила полночь, мужчина включил средство связи и зажал пальцем кнопку.

– Тшш, – зашипела рация, – Привет, Дениска! Классный я тебе устроил вечер? Прием!

Голос незнакомца звучал комично и наигранно доброжелательно, словно это говорил какой-то мультяшный персонаж. Чуть помедлив, писатель спросил:

– Кто ты, мать твою, такой?

– Тшш... надо говорить: «прием». Как слышишь? Прием!

– Кто ты, урод?

– Тшш... смотри себя в интернете. Я уже пять видеороликов с тобой нашел. «Денис Леваев и разгневанный отец», «Мужик получает в табло», «Леваев пристаёт к детям» и так далее. Ух, дружище, на это стоит глянуть. Особенно на то, как ты убегаешь, поджав хвост. Прием!

– Ты, что, умственно отсталый? Я спрашиваю: кто ты такой?

– Тшш... да, а я думал, что писатели – грамотные люди! Ведь на моей бумажке все написано! Ну ладно, я догадывался, что сам ты не умеешь ни читать, ни писать, а твои дрянные книги, тексты песен и сценарии печатает мартышка, которую ты держишь в подвале. Так и быть, зови меня – Gloom, друг. Прием!

– Зачем все это? Зачем этот злой спектакль с девочкой?

– Тшш... о, Дениска! А кто тебе сказал, что это был спектакль? Прием!

Писатель устался в черноту дверного проема помутившимся взглядом и стиснул дрожащей рукой рацию до белизны костяшек своих пальцев. В эту минуту его разум отчаянно сопротивлялся, не желая впускать отрезвляюще леденящую правду, что уже столько лет всегда была где-то рядом и постоянно зывала к нему.

– Тшш... Дениска, ты еще здесь? Прием!

– Это неправда...

– Тшш... что: «неправда»? Прием!

– Это не может быть правдой...

– Тшш... а, ты об этой девочке, которой искалечил судьбу? Да, братец, печальная история. Но не переживай! Кто их считает, верно? Сколько таких ребят губят себя из-за творчества тебе подобных. Пропаганда культурного невежества и прочей грязи. Насилие, как тренд! Культивация взаимной ненависти! И все это в яркой обертке от Дениса Леваева! Ведь наш Денис Леваев так любит раздавать конфетки с дерьмом! Прием!

– Я отслежу тебя по радио сигналу и тогда...

– Тшш... о, Дениска, тебе не хватит на это мозгов. Хотя, даже если ты найдешь знающего человека, потратишься и возьмешь пеленг с трех точек, то в условиях города, в лучшем случае, получишь примерный квадрат на карте в несколько многоквартирных домов. Прием!

– Оставь меня в покое!

– Тшш... конечно, Дениска! Пожалуй, на сегодня хватит. Отлично пообщались, надо будет обязательно повторить. Кстати, в одной из моих коробок есть флэшка с видео презентацией об этой несчастной девочке. Посмотри на досуге и сделай правильные выводы. Я уверен – тебе понравится. Конец связи.

Ноутбук зашипел кулером, запуская файл с видео, пока Денис открывал очередную бутылку виски. Из динамиков компьютера донеслась торжественная музыка, звучащая при подобных обстоятельствах, как злая шутка, и писатель прочитал на экране: «Трофей Дениски Леваева». После появился слайд с фотографией девушки – она стояла в синем вечернем платье у большого окна и мило улыбалась фотографу. Не заставил себя ждать и мультяшный, закадровый голос, сопровождающий сменяющие друг друга фотографии:

«Это хрупкое создание зовут Наташа Семиверстова. Она обожала бельгийские вафли с ванильным кремом, фигурное катание, конные прогулки и мальчиков-ровесников. Но вот беда – природа не наградила Наташу ни милой мордашкой, ни сносной фигурой. Одним словом, в свои шестнадцать, она была страшненькой и плоской как доска. Да, да! И поэтому успехом у мальчиков она совсем не пользовалась. Но вот, как-то раз в числе других бесполезных книжечек ей попало «высокохудожественное произведение» Дениски Леваева: «Утро на кончиках пальцев». И глупенькая Наташа влюбилась в образ главной героини этой книги, которая стараниями автора предстала перед ней эдакой сорвиголовой, эталоном женского обаяния и мечтой любого мужчины. Но, на самом деле, главная героиня была женщиной аморальной, чье неве-

жестов и похабный образ жизни были не слишком старательно спрятаны автором за странными философскими цитатами и оправдывались лозунгом о «свободном поиске себя». Наташа стала стараться во всем походить на свой идеал, и у нее даже появились поклонники. И вот, желая ни в чем не отставать от своей героини, глупая девчушка одним весенним вечером согласилась отдаться двум ухажерам под мостом у реки. Да, да, прямо как ее женский идеал из книжки! Изрядно выпив, Наташа воплотила свою задумку в жизнь, полезла обратно по опоре моста, и как результат, – поскользнулась, упала с высоты двадцати метров, ударилась о льдину и сломала себе позвоночник в двух местах, – циничный рассказчик за кадром выдержал драматическую паузу. – А сколько еще таких «Наташ» бродит по земле, смотрит, читает и слушает нечто подобное? Сколько еще таких «Наташ» навсегда забудут, каким должен быть настоящий человек? Сколько еще таких «Наташ» превратится в интеллектуально усредненных кукол?».

Неизвестный персонаж с мультяшным голосом продолжал вещать под сменяющие друг друга фотографии. На экране компьютера появлялись изображения родителей девочки, она сама на больничной койке, похожая на тоненький, умирающий росток, и даже копии медицинских заключений и обилие медицинских справок о ее диагнозе. Когда видео закончилось панорамой того самого злополучного моста, Денис сам не сразу понял, что это за звук постепенно нарастает в сумраке рабочего кабинета. Только, когда хрип вырвался из грудной клетки писателя и через жгучую боль в сдавленном горле перерос в вопль, мужчина сорвался с места. Захрипев как раненый зверь – зло и отчаянно, он схватил первое, что попало ему под руку. В этот момент старая печатная машинка марки «Ундервуд», со звоном разбитого стекла, полетела со второго этажа в снег.

Денис Леваев вынырнул из липких и тягучих воспоминаний. Он, как и прежде, сидел посреди хаоса своего рабочего кабинета и смотрел в черный экран ноутбука, который находился в режиме ожидания. Затылок полоснуло острой болью и, когда писатель от этого дернулся, у него над головой перегорела одна из лампочек. Он поднял голову и посмотрел на провода, тянущиеся по потолку, расползающиеся мелкой сетью по всему дому от чердака и до подвала. Пока мужчина сидел с задранной головой в рабочем кабинете, в коридоре второго этажа мигнул и погас свет. Это электропроводка не выдержала перепада напряжения. В этот момент внутри писателя, с шелестом и треском, тлел прежний и без того безрадостный мир, тлел, обнажая голые остовы его уставшей, человеческой души.

Серые фасады города горели пестрыми прямоугольниками рекламы. Их навязчивое многообразие тянулось блестящим, нависающим каскадом, вызывающим к усталым людям, бредущим сквозь падающий снег. Несуществующие в реальности и выбеленные до нелепости, глянцевого боги и богини высокомерно взирали из своего двухмерного, идеального мира на людской муравейник. Эти иллюзорные мерцающие порталы зажигались и гасли, искрились и двигались, отражаясь на лобовом стекле автомобиля Дениса, который медленно ехал в пробке мимо изображения девушки, прикрывающей свою голую грудь книгой, мимо эффектно одетой женщины, призывающей делать, что вздумается, и никогда не испытывать чувства вины. Мимо мужчины, который на частном самолете улетает в закат с компанией девиц и призывает жить по своим правилам. BMW писателя катился в автомобильной пробке среди буйства красок рекламы, над которой хозяином возвышался бизнес центр «Черные паруса». Эти две башни стояли у залива и представляли собой семьдесят пять этажей помпезности и деловой роскоши. Построенные на подобии формы парусов яхт, с острым верхом и широким основанием, в профиль они походили на узкие, выгнутые в сторону воды треугольники. Писатель все смотрел на их зловеще горящие огни, пока задыхающаяся от смога улица тонула в гудках автомобильных клаксонов.

За поворотом, из-за припаркованных у обочины и на тротуаре машин, на пешеходный переход вылетела девушка. Она уставилась в гипнотизирующий ее прямоугольник телефона и, не оглядываясь по сторонам, уверенно двигалась в нужном ей направлении. Денис в последнюю секунду затормозил прямо перед девушкой, а она, ни разу не обернувшись, также завороченно пошла дальше. Не успел писатель тронуться с места, как на пешеходный переход выскочило еще несколько ей подобных молодых людей, также загипнотизированных светящимися прямоугольниками своих телефонов.

На круто загнутой дорожной развязке Денис повернул к району, который когда-то считался «старым городом». Здесь отстроенные еще в начале XIX века пряничного вида дома, сочетались с унылой, деловой строгостью втиснутых тут и там современных бизнес центров и уродливых архитектурных пристроек. За окном автомобиля мелькали светящиеся вывески банков, логистических компаний и юридических контор. Кричала звуковая реклама, заманивающая прохожих в магазины очередной распродажей или акцией. Денис выплыл из длинной пробки дымящих в сумраке машин и поднялся по подъездной дороге наверх сопки, где располагался элитный жилой район с видом на бухту. Писатель сделал круг по двору и с трудом припарковал свой BMW между двумя японскими автомобилями.

Дверь квартиры ему открыл полный мужчина в сером спортивном костюме, что натянулся в области плеч и обширного живота. Выпирающие под глазами щеки, чуть надутые, словно у капризного малыша губы, и мелкие, постоянно бегающие в поисках новой добычи глазки, выдавали в хозяине квартиры фанатичную любовь к комфорту. Золотой точкой в общем образе был талисман-монетка на груди мужчины, который он ласково поглаживал, когда небрежным жестом руки пригласил писателя зайти в свои владения:

– Какой неожиданный визит, – мужчина блеснул золотой оправой своих очков. – Чем обязан, Денис?

– Привет, Игорь Юрьевич. Нам нужно поговорить.

– Вот, веришь или нет, но я, который день пытаюсь это сделать. Хотя, я всего лишь литературный агент, раскрутивший тебя. Так что можешь и дальше смело слать меня на хрен.

– Извини, – Денис провалился в просторы обширного дивана. – Я так устал.

– Что там у нас с возвращенным на доработку сценарием?

– Я им еще не занимался.

– Денис, что с тобой происходит? Мы отработали шесть сценариев, и, даже, один для большого экрана. Каждый раз все было как надо: классный синопсис, интересные диалоги. После правок продюсер доволен, всем хорошо. И тут на очередном сценарии для простого «коммерческого сериала» ты идешь в разнос. Снова включаешь «защиту Хемингуэя» и прячешься у себя дома. Именно сейчас, когда нужно оперативно вносить множество правок, не забывая и о двух предстоящих презентациях твоей новой книги.

– Сценарий здесь не при чем.

– Тогда в чем дело?

– Во мне.

– Денис, давай заканчивай прозаiku! Говори конкретно и по существу!

– Игорь, тебе никогда не казалось, что мы идем не туда?

– Денис, я тебя сейчас ударю, – Игорь скрутил утренний выпуск газеты «Домино» в трубочку, и занес ее над головой писателя. – Ты можешь разговаривать, как нормальный человек? По делу!

– Игорь, вот скажи мне, какой мой самый коммерчески успешный роман?

– «Доктор за ширмой». Это хорошая похабщина. Восемь тысяч проданных экземпляров за прошлый год. Неплохие деньги.

– Вот именно, главный герой – подонок. И в следующей книге я хочу сделать так, чтобы он получил по заслугам. Получил то, что заслужил, понимаешь?

– Стоп. Концепция серии в том и заключалась, что герой безнаказанно живет, как ему нравится, ни с кем не считаясь: проводит махинации, управляя частной клиникой, соблазняет женский персонал и пациенток, убирает с пути соперников. Он богат, преступен и хитер. Он победитель, а победители не проигрывают.

– Я хочу поменять концепцию.

– Зачем менять то, что отлично работает? Нам нужно хорошо продаваться, а ты решил поэкспериментировать над твоей самой удачной серией книг?

– Я больше семи лет выезжаю за счет пошлых веяний современного общества. Моя аудитория – это циники, считающие, что человечность в наше время не в части.

– Ты, что, совсем идиот? Не вздумай даже так думать, не то, что где-нибудь ляпнуть на публике! – Игорь шлепнул газетой по голове писателя. – И, вообще, с чего это спустя шесть лет в тебе вдруг проснулась совесть?

– Я не хочу об этом говорить...

– Нет уж, извольте. Мне все это не нравится, так что давай на чистоту. Я мирился с твоими загулами и вздорным характером, но твой общий настрой в последнее время не на шутку меня беспокоит.

– Есть одна девочка, – Денис тяжело выдохнул. – Я искалечил жизнь ей и ее семье. Из-за меня она больше не сможет ходить...

– Только уголовного дела нам не хватало! – Игорь вскинул руки. – Идиот! Сколько раз я говорил, чтобы ты не садился пьяным за руль! Все пропало!

– Я не сбивал ее. Она сорвалась с моста, потому что решила повторить действия женского персонажа из моей книги: «Утро на кончиках пальцев».

– Денис, что за ерунда? Ты решил начать экспериментировать в творчестве из-за какой-то глупой девчонки? Почему она, вообще, тебя волнует? Мы просто продаем то, что продается, а все остальное не наша забота! Пусть родители лучше следят за тем, что их чада читают, смотрят и слушают! Между прочим, «Утро на кончиках пальцев» имеет рейтинг «старше восемнадцати»! А она, я так понимаю, еще не совершеннолетняя? Ведь так?

– Я плохо спал прошлую ночь. Мне снилось, что их становится все больше...

– Кого больше? – Игорь Юрьевич устало потер глаза рукой.

– Людей, которые мне поверили. Мне снилось, как они выстраиваются в длинную очередь, конец которой растворяется у горизонта. Все они просили расписаться у них на лбу, а когда я это делал, тлели в воздухе, как сожженные остатки пергамента...

– Ну, брат, тебя понесло.

– Дальше еще «веселей», – Денис горько усмехнулся. – Мне приснилась жена. Как я читаю ей теплым летним вечером отрывок из своего первого романа, а она вносит свои замечания. Ну, того романа. Ты знаешь. Когда я еще хотел написать что-то стоящее. Мне так захотелось хотя бы на мгновение вернуть то душевное состояние, почувствовать себя счастливым...

– Все это полная ерунда. Мы с тобой создали отличный бренд писателя Дениса Леваева, со своим коммерчески успешным образом, философией и интересным художественным стилем. А теперь ты хочешь все испортить из-за того, что мы, якобы, портим людей.

– Книга должна либо развлекать, либо обучать читателя. Если она выполняет эти две задачи одновременно, то это просто замечательная книга. Но то, чего книга точно делать не должна, так это губить человека...

– Полная ерунда!

– Нет. Ты знаешь, что это так, Игорь.

– Я знаю только одно – книга, как и любой другой товар, должна хорошо продаваться. Когда твоей жене резко понадобился «свежий» автомобиль, а старшая дочь собирается в Японию «подтягивать язык», ты не будешь париться о «высоком». Тебе нужны деньги и точка, если при их заработке никто не умер или не сел, то дальше и думать не стоит.

– Но я покалечил человека и, возможно, не одного.

– Денис, ребенок без присмотра взрослых может запросто покалечиться ножом или штопором. Давай теперь из-за этого закидаем камнями всех производителей острой кухонной утвари? Это глупый разговор и твое беспокойство беспочвенно. Так что и дальше спокойно пиши для непритязательного, платежеспособного обывателя. Это отличный выбор!

– Значит, я пишу для обывателя?

– Ты это так сказал, будто проституткой подрабатываешь.

– А что это, как не интеллектуальная проституция? Поступаясь принципами и высоким предназначением писателя, плевать на мораль и ответственность ради бабок. Сегодня делать одно, а завтра совсем противоположное только потому, что больше заплатили?

– Раньше тебя все устраивало.

– Раньше мне не было тридцать пять лет, и я не жил один в пустом доме! Раньше из-за моего творчества дети не срывались с моста! Раньше я думал, что стану *хорошим* автором!

– Кто тебе сказал, что ты *плохой* автор?

– Хороший автор умеет завлечь на вершины человеческой мысли. Дотянуть до этих вершин читателя через интересное и содержательно глубокое повествование. Заставить их задуматься, сделать их хотя бы чуточку лучше, а не выдавать им яркий фантик с дерьмом.

– Философия жизни – тема сложная и малоприбыльная. Люди не любят такое читать и бестселлером такая книга ни за что не станет. И ты не Ганди, чтобы направлять по жизни людей. За альтруизм не доплачивают. Поэтому не лезь туда, в чем не преуспеешь.

– Ты считаешь, что я слишком плох для этого?

– Опять двадцать пять, Денис! Сколько можно? – Игорь Юрьевич поднялся с дивана. – Твои книги читают! По твоим сценариям снимают сериалы, которые смотрят! Песни под твоим авторством крутят по радио! Хватит метить на роль доброго литературного мессии! Все и так хорошо!

– В общем так! Я меняю направление всего моего творчества! Новое видение, новые истории, подлинная мораль!

– Ха, подлинная мораль, знать бы еще, что это такое...

– Я говорю серьезно!

Игорь Юрьевич навис над Денисом, упершись рукой в спинку дивана.

– Хорошо, хорошо, Денис, не кипятись, – почти шепотом сказал литературный агент. – Я все понимаю. Но подумай вот о чем: ты готов принять все возможные последствия своего решения? Ты готов отказаться от хороших денег, востребованности, любви поклонников? Готов все поставить на «черное»? Думающих о «тонких материях» людей достаточно, но *примут* ли они твое новое творчество, *поймут* ли они тебя? Справедливая цена за правду и высокие идеи может быть такой, что ты станешь автором с более скромными аппетитами.

Денис молчал, и Игорь Юрьевич ободрительно похлопал его по плечу.

– Не знаю, как ты, а я бы выпил зеленого чая.

– Я не хочу чая.

– Не время раскисать, Денис, – Игорь Юрьевич поставил на плиту чайник. – Через три дня презентация твоей книги здесь – на малой родине, а через десять дней нас ждут читатели Москвы. Надеюсь, ты не забыл о такой «мелочи», как две презентации? Кроме того, еще планируется эфир на радио. Короче, дел у нас много. Поэтому, смотри, не выкини какую-нибудь глупость. Мое терпение и так уже давно трещит по швам.

– Мне, пожалуй, пора.

– Не забивай себе голову, приятель. Снова включайся в работу и не затягивай со сценарием до дедлайна. Хорошо?

– Как скажешь.

– Слова умного человека. Удачи. Увидимся на презентации.

– Ладно.

– Денис,

– Что еще?

– Книг о борьбе хорошего «добра» с плохим «злом» достаточно. Этим никого не удивишь. А твой стиль хорош, не отказывайся от него. У тебя талант выдавать чернуху за остро-социальное произведение. Кто же виноват, что культура массового потребления продает не самые лучшие образы?

– Мы с тобой, Игорь. Виноваты мы с тобой...

Денис сел за свой рабочий стол и осмотрелся. Печатная машинка Ундервуд вернулась на прежнее место – край стола, к новой бронзовой лампе и стаканам для письменных принадлежностей. Ранее разбросанные книги аккуратно стояли на своих местах. Поревевший от эмоциональной бури строй коллекционных парусников и яхт стоял на полках вдоль зеленых стен. Над этой флотилией висела репродукция картины Петера Рубенса – «Страшный суд». Денис какое-то время смотрел на нее, а после старательно закатал длинные рукава своего горчичного свитера и открыл ноутбук.

За полночь, он, наконец, переписал четвертую серию сериала, над которой, еще до «приступа меланхолии» проработал около недели. После выкурил самокрутку, съел несколько бутербродов и лег в кровать, но сон никак не шел. Не помог и стакан виски. Спустя час, лежа на кровати, Денис зашел со смартфона в интернет. Пролистав ленту новостей в социальной сети Агапео, мужчина открыл собственную авторскую группу и решил прикрепить к ее стене опрос. Несколько раз он бросал эту затею, откладывая телефон в сторону и блуждал по спальне. Но каждый новый стакан с виски побуждал его вернуться к этой затее. Мужчина откорректировал содержание опроса несколько раз и добавил на «стену» в социальной сети следующее:

«Приветствую, дорогие читатели! В жизни автора наступает такой момент, когда нужно набраться смелости идти дальше, перейти на новый уровень в своем творчестве. Я думаю, что в моей жизни такой момент настал. Я выбираю светлую сторону силы (с). А как считаете вы, стоит ли мне писать на тему вечных ценностей?»

Варианты ответа:

1. Да;

2. Нет;

3. Другое (в комментариях).

Время тянулось. Через десять минут кто-то нажал на «да» и Денис улыбнулся. Еще через две минуты появилось первое «нет». Следом пошли комментарии под опросом:

«Лучшие напиши, когда новый «Доктор за ширмой выйдет!»»;

«Твои книги – дерьмо!»;

«Оставайся на темной стороне, у нас печенки!»;

«Слиться хочешь?»;

«Когда продолжение Кровавых денег? Уже два года кормишь обещаниями!»;

«Мы вас и таким любим. Мур-мур».

Утром, первое к чему потянулась рука писателя – был лежащий на прикроватной тумбочке смартфон ВТУ. Но, взяв его, мужчина не торопился открывать свою группу в социальной сети и с опаской смотрел на собственное отражение в темном экране телефона. Все же разблокировав его, мужчина посмотрел прикрепленный опрос. Вердикт его читательской аудитории был таков: 154 «да» и 1846 «нет».

Денис швырнул свой мобильный на кровать и принялся мрачно, заложив руки за спину, бродить по комнате. Писатель то и дело, украдкой, бросал на телефон недовольные взгляды, словно тот был не средством связи, а живым существом, которое только что смертельно его обидело. С гримасой отвращения, мужчина схватил телефон и позвонил своей сестре:

- Здравствуй, Ева. Как у вас дела?
- Я требую извинений.
- Прости меня, дорогая. Я вел себя глупо.
- Скажи: «я вел себя, как дурак».
- Я вел себя, как дурак.
- Таки и быть, я тебя прощаю.
- Ты самая лучшая, Ева.
- Я знаю.
- Я могу к вам приехать? Нужно поговорить.
- Только, если, часов в восемь вечера.
- Хорошо.

Попивая маленькую колу из жестяной баночки, Денис выехал на своем BMW со стоянки торгового центра. Резко перестраиваясь без сигнала поворота, его подрезал черный внедорожник Volvo. Денис, залив джинсы газировкой, ударил по тормозам, от чего лежащие на заднем сидении сумки с продуктами разлетелись по салону автомобиля. Обогнав внедорожник обидчика, писатель затормозил.

– Ты какого черта творишь, мудака? – из Volvo вылез бородатый мужчина в кожаной куртке.

– А кто в меня минуту назад чуть не влетел, идиот? – Денис уверенно пошел навстречу бородачу.

– Давай вали отсюда, пока я тебя не поймел! – бородач приближался, в то время как другие водители их объезжали и протяжно сигналили.

– Мог бы этого и не говорить! По твоей манере вождения и так легко определить ориентацию!

– Да я твою жену имел, понял? – бородач толкнул пухлым кулаком Дениса в грудь. – Вали отсюда!

Лицо писателя приобрело отрешенное выражение, и из его горла вырвался громкий рев. Он ударил стоящего вплотную бородача коленом в пах и тот, громко ухнув, осел на дорожное полотно, после чего получил от противника еще несколько ударов по скулам. Денис продолжал работать кулаками, пока бородач не схватился за полы его пальто и не дернул вниз. Схватка продолжилась на грязном снегу дорожного полотна около BMW писателя, пока дерущихся людей, под успокаивающие реплики, не разняли очевидцы происшествия. Противник Дениса грубо оттолкнул одного из вмешавшихся и раздавил ботинком слетевшие с переносицы писателя очки. Громко выругавшись в адрес семьи Дениса, и, показав средний палец из Volvo, бородач понесся прочь, чуть не спровоцировав новую аварию.

– Что же ты так, дружище? – спросил второй вмешавшийся.

– Он оскорбил мою жену, – Денис тяжело дышал, отряхивая с пальто грязный снег, пока из его разбитого носа медленно текла кровь.

– Всякое бывает! Приложи снег, а то распухнет!

– Никто не смеет оскорблять мою жену!

– Это правильно! – вмешался второй. – Так ее любишь?

– Она умерла...

Из-за открывшейся двери слышался аромат яблочного пирога и звучал смех. Писателя встретила белокурая женщина в обтягивающем ее стройное тело бирюзовом платье. Она уви-

дела его разбитый нос и быстро потащила мужчину из прихожей в ванную комнату. Закрыв за собой дверь, блондинка зло посмотрела на брата:

– Что ты вытворяешь, Денис? У Евы гости, а ты являешься в подобном виде!

– Тебя не волнует, что со мной случилось?

– Не говори ерунды! Конечно – волнует. Но друзья Евы собрались пообщаться с интеллигентным писателем Денисом Леваевым. Что они подумают, если увидят брата Евы Штерн с разбитым носом и в замызганном пальто!

– Ты, что, специально пригласила гостей?

– Конечно.

– Могла бы и предупредить. Я хотел серьезно поговорить с тобой, а ты снова устроила вечеринку.

– Ева устраивает у себя дома что хочет! Вот, держи, – женщина протянула Денису полотенце. – Приводи себя в порядок и выходи к моим гостям. Когда зайдешь в комнату, то подаришь Еве вот этот букет...

Женщина, которая, будучи выпившей, любила говорить о себе в третьем лице, достала из шкафчика под раковиной цветочную композицию из орхидей и вручила ее удивленному писателю.

Денис переступил порог гостиной. В просторной комнате, во главе стола блистала обаянием хозяйка квартиры. Приглушенное освещение придавало коже Евы миндальный оттенок, на фоне которого, ее улыбка горела белоснежным жемчугом. Женщина смеялась, раскрывая пухлые губы, и украдкой проводила подушечками пальцев вдоль зоны своего декольте. Каждая, даже самая крошечная деталь ее образа, выдавала собой то скрупулезное отношение, с каким эта женщина подходила к собственной внешности. Ева добилась в наведении лоска таких успехов, что и небрежно упавшая на ее лоб, непослушная прядь, казалась хрупким произведением искусства. Справа от женщины сидел низенький мужчина с салными волосами и блестящей лысиной. Пока его взгляд бегал от лица Евы до ее груди, руки гостя старательно подливали красное вино в бокал хозяйки дома. Слева от женщины сидел очень худой юноша с печальным выражением лица. Он смотрел на лицо Евы, ловил каждое движение ее глаз и губ, пока та увлеченно общалась с девушкой, сидящей напротив. Собеседница женщины потряхивала ассиметричной черной челкой, под стать ее вызывающе короткому черному платью, и рассказывала хозяйке дома о смысле набитой на своей левой руке татуировке. В этот момент Ева заметила брата, улыбнулась еще шире и, поставив свой бокал, протянула к писателю руки:

– Денис, милый, наконец-то! Мы тебя уже заждались!

– Это тебе..., – писатель протянул сестре букет.

– Ой! Какая прелесть! – Ева выдала подобие удивления. – Познакомься с моими гостями: это Саша, он искусствовед, – женщина положила ладонь на плечо низенькому мужчине. – А это Кирилл и Инга. Кирилл у нас преуспевающий фотограф, а у Инги свой тату-салон.

– Денис, что с вашим лицом? – спросила Инга.

– Мой брат ходит на тайский бокс, – опередила Дениса Ева. – Он считает, что настоящего мужчину не должна останавливать боль, и он должен уметь постоять за себя. Правда, дорогой?

– Да...

– Меняй секцию, дружище, – Саша-искусствовед расплылся в едкой улыбке. – Тебя там совсем не жалеют, это точно!

– Как это волнительно, – Инга сверкнула глазами и окинула Дениса оценивающим взглядом. – Писатель, да еще и спортсмен...

– Да, такой у меня брат, – томно вздохнула Ева. – Талантливый человек из талантливой семьи. Давай, милый, присаживайся рядом с Ингой.

Девушка с черной челкой кокетливо подвинулась, и писатель уселся на стоящий рядом с ней стул. Ева собралась что-то сказать, но на пороге комнаты появились двое мальчишек.

Один в свитере и шерстяном шарфе, от которого то и дело чесался, другой в одних шортах задом наперед. Хозяйка дома увидела своих сыновей и изменилась в лице:

– Почему не спим?

– Но еще рано!

– Тогда поздоровайтесь с дядей Денисом и идите играть в приставку.

– Здравствуй, дядя Денис!

– Здравствуй, дядя.

– Я совсем забыл, – Денис встал из-за стола. – Я купил вам подарки. Они остались в машине. Сейчас за ними схожу.

– Никуда эти подарки не денутся! – Ева взмахнула ладонью. – Идите в свою комнату и не мешайте взрослым отдыхать!

– Ну, мама!

– Быстро, я сказала!

– Да мне не трудно, я схожу до машины.

– Денис, пожалуйста, останься.

Писатель сел обратно на стул и, глядя на племянников, развел руками. Мальчишки понуро опустили головы и скрылись в сумраке коридора, а их мать снова стала само обаяние. Она ловила на себе восторженные взгляды двух мужчин и не переставала кокетливо водить пальцами по краю своего декольте. Денис помрачнел. Он не прикасался к еде и напиткам. Все внимание писателя занимало пустое, белое пространство сервизной тарелки.

– В чем вы черпаете вдохновение для своих книг, Денис? – Инга положила ладонь на предплечье писателя. – Поделитесь с нами?

– Да, милый, расскажи! Вот я, как преподаватель живописи, – Ева откинула с плеча белокурые локоны, – черпаю творческие силы в красотах природы, джэзе и...

– Я работаю без вдохновения, – прервал монолог сестры Денис, за что она одарила его раздраженным взглядом, но тут же снова мило заулыбалась.

– Разве творческий человек способен работать без вдохновения? – Инга подняла брови. – Это же так скучно!

– Можно прождать вдохновение всю жизнь и не написать ни строчки. Поэтому, я просто сажусь за стол и работаю. Все.

В конце коридора хлопнула входная дверь, и зажегся свет. На пороге гостиной, где расположилась компания, показался усталый мужчина в строгом синем костюме с ослабленным галстуком.

– А, Сережа. У нас гости, – Ева с вызовом посмотрела на мужа. – Не хочешь присоединиться, нет?

– Добрый вечер всем, – Сергей задержал свой хмурый взгляд на писателе и с силой сдвинул его ладонь в стальном рукопожатии. – Привет, Денис. Как себя чувствуешь последнее время?

– Привет, Серега. Чувствую себя неплохо. Как сам?

– Все лучше и лучше. Настя, я пойду, разогрею ужин, а потом спать.

– Что? – губы Евы задрожали, а в глазах сверкнула злость. – Я не расслышала, Сережа, что ты там бубнишь?

– Я говорю: «Ева, я иду греть себе ужин». Извините. Хорошего отдыха.

Сергей вышел из гостиной, а хозяйка квартиры приобняла за плечи худого паренька и прижалась к нему грудью. Пока тот замер от неожиданности, женщина что-то шептала ему, водя губами по уху. Когда она закончила, парень хрипло загоготал, брызгая слюнями.

– Ева, на столе закончился хлеб. Ты не поможешь его принести? – Денис встал из-за стола. – А то, как мы все без хлеба насущного?

– Крикни Сережу. Пусть он принесет.

– Такой обворожительной хозяйке не составит труда принести хлеб.

– Простите нас, – Ева блеснула на писателя глазами. – Мой талантливый брат довольно эксцентричен. Порой ему недостает чувства такта. Мы сейчас вернемся.

Женщина схватила Дениса за руку и провела в одну из комнат. Писатель подвинул ногой лежащую в дверях спортивную розовую сумку и переступил порог. Комната со светлыми обоями была заставлена картинами, чистыми холстами и пустыми багетами. На использованных холстах были изображены пейзажи города, люди и виды природы. Посреди обилия автопортретов художницы возвышался холст с изображенным павлином.

– Как ты смеешь позорить меня перед гостями?

– Я приехал за советом, а ты не можешь уделить мне даже минуту...

– Ты ведешь себя отвратительно! Ты – злыдень!

– Серьезно?

– Ты мог бы проявить хоть капельку уважения! Вот как у такой культурной, деликатной женщины может быть такой брат?

– Послушай, я – живой человек, а не глянцевая картинка или украшение к столу. Я не нанимался в ручные обезьянки, чтобы развлекать твоих гостей.

– Считаешь, что можешь говорить то, что думаешь. Так знай, Ева тоже молчать не будет! Я все скажу тебе в лицо! Никто не смеет делать мне замечаний! Никто не смеет ставить под сомнение мой авторитет! Я королева, а не какая-нибудь серая мышь! Так что будь любезен, веди себя подобающе, пока ты в моем доме!

– Мне нужна поддержка родного человека. Повторяю, мне нужен твой совет.

– С чего это?

– Потому что, – Денис отвел глаза, – твоему складу ума можно позавидовать. Ты всегда видишь сложившуюся ситуацию гораздо шире и глубже, чем другие люди. Это одно из множества твоих достоинств. И сейчас я как никогда нуждаюсь в нем.

Ева удовлетворенно улыбнулась и обняла Дениса, но он не ответил на этот жест. Женщина присела на край кровати, постучала ладонью рядом с собой и писатель присел.

– Я слушаю тебя.

– Я сильно провинился перед людьми и хочу искупить свою вину. С каждой новой написанной строчкой этого глупого, коммерчески выверенного текста, в моей душе что-то отмирает. Я чувствую себя маньяком, который под видом красивого угощения дает людям смертельный яд. И уже есть первые жертвы! А может жертвы были уже давно! Поэтому, мне просто необходимо написать что-то хорошее, понимаешь меня?

– Ты – человек-бренд, известный и востребованный. Не надо превращаться в белую ворону и скучного правдоруба. Это никому не нужно. Ты «попал в поток», так извлекай из него максимальную выгоду. Блистай, будь на виду, заводи выгодные знакомства. Ты должен понимать, что, правда и личное благополучие находятся на разных дорогах.

– Ты так говоришь, словно жить по правде – это плохо.

– Ну, жить по правде, может и хорошо, – Ева растерянно улыбнулась, – но не правильно.

– Я не согласен с тобой, Ева. Этот мир еще можно спасти.

– Денис, ну кому, кроме тебя нужно это словоблудие про абстрактное спасение? Люди мыслят совсем иными категориями. Правда в выгоде и в удовольствии. Внимательнее присмотришься к тому, что происходит вокруг, и ты поймешь, что другого людям не нужно. Но если ты хочешь разрушить то, над чем так долго работал, то – пожалуйста...

– Скажи, что я справлюсь.

– Ах вот оно что. Пришел ко мне за санкцией быть другим?

– Пришел за поддержкой.

– Я не буду этого говорить, потому что все зависит от тебя.

В комнату постучали, и в дверном проеме показался муж Евы.

– Ева, я не могу найти...

– Ты что, не видишь, что у меня серьезный разговор с братом?

– Но, я только...

– Закрой дверь с той стороны!

Хлопнула дверь и за ней послышались недовольные возгласы.

– Моя властная сестренка во всей красе, – едко заметил Денис.

– Хватит учить всех вокруг жизни! – Ева вскочила с кровати. – Наведи сначала порядок у себя в голове!

– Я и пытаюсь это сделать. Поэтому я здесь.

– Не надо ждать, что я приму за тебя ответственное решение! Действуй сам!

– Ты считаешь, что у меня получится?

– Какая разница, что я считаю? Конечный результат зависит только от тебя!

– И все же...

– Хочешь знать мое мнение? Ладно! Не жди многого! Написав что-то новое, ты будешь ждать его одобрения. Но, если у тебя не получится, твой труд разнесут в пух и прах! Ты готов к этому, Денис? Ты готов поставить на карту не только имя, но и свое эго? Хорошенько подумай над этим, братец!

– Ты в меня не веришь.

– Я верю только в себя, – Ева отвернулась к окну. – Остальные слишком часто меня подводили.

– Я скорбел! Ясно? Поэтому не выполнил данное обещание и не смог тебе помочь. Я даже себе не мог помочь...

– Это так и вошло у тебя в привычку.

Денис вскочил с разложенного дивана и схватил стоящую рядом картину. Писатель швырнул нарисованного павлина через всю комнату, и птица разбилась о стоящий у окна мольберт. В коридоре послышался топот ног и взволнованные голоса.

– Спасибо за «поддержку», сестра, – Денис тяжело дышал, сжимая кулаки. – Это очень много для меня значит...

Писатель вышел из подъезда дома, неся в охапке свое пальто, сел в BMW и хлопнул дверью. Пока работал обогрев автомобиля, мужчина, мрачно смотря сквозь меланхолично падающий снег, освещаемый ксеноновыми фарами, тихо прошептал три слова:

– Они меня поймут...

Ближе к вечеру следующего дня, рядом с домом Дениса – на подъездной дорожке, оставился зеленый Citroen службы доставки. Из миниатюрной машины с трудом вылез полный молодой человек в спортивных штанах и черной куртке. Он достал из большой сумки коробку с пиццей, поправил кепку и направился к кованой калитке. Писатель спустился на первый этаж и по звонку в домофон открыл ему дверь. Громко пыхтя, курьер поднялся по ступеням крыльца.

– Рад снова видеть, вас, Денис Андреевич.

– Заходи, Семен.

Семен довольно часто попадался Денису в городе и, по мнению писателя, был из тех редких людей, которые постоянно что-нибудь жуют. Управляя своим автомобилем, он умудрялся попутно поглощать бутерброды, пирожки и шоколадные батончики, а прохаживаясь до дверей своих клиентов, звонко хрустел сухариками, припрятанными в карманах его куртки. Если этот обширный молодой человек не был занят едой, то чавкал жевательной резинкой, надувая и лопаю большие пузыри, в то время как его широкое лицо было преисполнено выражения блаженного неведения.

– Супер сервис для супер клиента, – щелкающий жевательной резинкой Семен протянул писателю коробку с пиццей. – Доставлено быстро и с массой позитива. Распишитесь, да расплатитесь.

– А где «специи» к моей пицце?

– Сначала расчет.

Курьер несколько раз пересчитал сальными руками отданные ему деньги. Заговорщицки подмигнув писателю, он спрятал их в карман, уронив на ковер прихожей несколько маленьких сухариков.

– «Специи» к ней заложены за углом. Вы найдете их в дупле старого дерева в пачке из-под сигарет.

– А что на счет грибов, приятель?

– Давненько вы у меня грибов не спрашивали.

– Завтра у меня очень важное и довольно нервное мероприятие. Я хотел после него как следует «полетать»...

– Я делегировал этот сектор бизнеса своему партнеру. Это, знаете ли, хорошо укрепляет командный дух. Но специально для вас я привезу. Уважаю людей, которые не сдерживают себя в желаниях. Зачем еще человек живет, если не может набить живот вкусной едой, выпить или выкурить хороший косячок?

Денис ничего не ответил курьеру. Он закрыл за ним дверь и остался стоять посреди пустого загородного дома. Было слышно, как за стенкой – в гостиной комнате, одновременно, чуть открывались и закрывались два больших окна, впускающие в дом холодный сквозняк. Камин, изрядно забитый сажей, потрескивал, разгоняя по комнатам первого этажа необходимое тепло. Под полом, в глубинах подвала, разносился шум труб, похожий на зловещее шипение притаившихся там неведомых существ.

Когда Денис забрал из дерева закладку и вернулся домой, в домофон, через какое-то время, снова позвонили. Писатель увидел на экране стройного мужчину с длинными, как у жука усами, одетого в коричневую спортивную куртку и джинсы. Немного помедлив, хозяин дома открыл ему калитку.

– Привет затворникам!

– Чем обязан, дядя Саша?

– Я приехал забрать свои полочки из гаража и еще кое-какие вещи. Помнишь, я их у тебя на хранение оставлял?

Дядя Саша каждый раз приносил вместе с собой в дом писателя запахи морского порта. От него пахло забористой смесью из нефти, машинного масла, прелой рыбы и, конечно, едкой морской солью. Источал эти запахи дядя писателя, даже в те дни, когда не работал оператором портового крана и не занимался обилием тяжелых, цветных контейнеров. Передвигался этот человек быстро и ловко, но в минуты, когда созерцал чужие вещи, начинал красться и сжиматься всем телом, одновременно потирая свои мозолистые руки. Дядя Саша частенько оставлял в гараже своего племянника какие-нибудь вещи, чтобы вернуться сюда в самое ближайшее время.

В этот раз дядя Саша взял в одну руку ящик со своими инструментами, положил на него несколько рабочих комбинезонов и, чуть ли не вприпрыжку, побежал к своей красной Lada Kalina. Шесть длинных деревянных полок он нести отказался, сославшись на боли в ноге, поэтому до машины их тащил Денис, игнорируя реплики и возгласы дяди о том, что его «малышек» нельзя волочить по снегу. Писатель пыхтел и морщился, пытаясь запихнуть их в салон автомобиля дяди, когда увидел что там – в ящике с инструментами, лежит его электрический насос для автомобиля.

– Эй, это же мое. – Денис взял насос в руки и критически осмотрел.

– Наверное, упал с полки, когда я брал ящик. Чаю нальешь дяде?

Дядя Саша старательно вытер заснеженные ботинки о половики прихожей и снял куртку. Он перевесил пальто племянника с самого высоко расположенного крючка для одежды, на самый низко висящий крючок, а на освободившееся место, с медовой улыбкой, водрузил свою куртку.

– Как успехи, племянник?

– Трудимся.

– Это правильно, – дядя Саша огляделся – Как-то тоскливо у тебя здесь, пусто. Бабу бы себе хоть завел! Такие хоромы и простаивают!

– Ладно уж, хоромы. Пять комнат.

– Пять комнат! – дядя Саша погладил усы, осматривая стены дома – красота!

– Чай черный, зеленый?

– Зеленый. Как у сестры твоей дела?

– Не хочу о ней говорить...

Денис поставил на стол две чашки и дядя Саша брезгливо повертел в руках одну из них. Закончив осмотр, он аккуратно поставил ее и отодвинул от себя указательным пальцем:

– Ты мою чашку сполоснул, но не вытер...

– Но она же чистая? В чем проблема?

– Не надо ставить мне мокрую чашку. Вытри.

– Дядя Саша, я же знаю, ты не только за своими полочками приехал, – Денис нарочито медленно протирал полотенцем чашку. – Каждый твой приезд знаменует похудение моего кошелька.

– Ну, ты как скажешь, племянник!

– Дядя Саша, выкладывай.

– Ну, понимаешь. Дочка с мужем дорогую иномарку в кредит взяли, денег не хватает. А внучка они нам со старухой родили слабенького. Опять заболел, нужны процедуры. А ты знаешь, какая сейчас частная медицина дорогая. Сам же пару лет назад лежал...

– И сколько ты хочешь?

– Ну, тысяч пятьдесят, если дашь.

– А сколько ты мне уже должен?

– Ты даешь, ты и считай!

– Ладно, тогда – миллион.

– Врешь! Триста тысяч, а не миллион!

– Как быстро к тебе вернулась память, дядя Саша.

– Да, мало порола тебя сестра! – дядя Саша вскочил из-за стола и, покачивая головой, стал запихивать в карманы джинсов конфеты. – Родным людям помочь не хочешь!

– Дорого мне обходится такая помощь! Я сначала вам просто давал – пять, десять тысяч, без возврата, но вы совсем страх потеряли! Лезете и лезете!

– Бабки свои на тот свет с собой не заберешь! Буржуй! Мало вас в революцию душили, мало!

– Выметайся.

– Твоими книжонками только зад подтирать! За какие заслуги тебе такая жизнь? Другие люди лучше тебя! Намного Лучше! Слышишь? Почаще себе это напоминай, глядишь – нормальным человеком захочешь стать!

– Ты ничего не знаешь о моей жизни, выметайся!

– Теперь я точно соглашусь дать о тебе интервью в журнал! Думал, по-родственному договоримся, и я не буду обижать племянника! Но теперь уж нет, дудки! Все узнают, что ты за кадр!

– Какое интервью? Что ты несешь?

– Да со мной уже два деловых человека связались! Оба очень хотят, чтобы я простым людям на тебя, буржуй, глаза открыл! Говорят, мол, так и так, помогите, Александр Петрович этого вруна на чистую воду вывести!

– Так ты шантажировать меня приехал?

– Теперь все узнают, какой ты черствый и злой. Тварь! Урод моральный, алкоголик и наркоман! Чтоб тебя! Хорошим людям помочь не хочешь! Так я все ровно на тебе заработаю. Ничего! Где наша не пропадала! Не мытьем, так катаньем!

– Очень скоро я стану другим! Ты понял? Я стану ничем не хуже других! Завтра все изменится! Завтра я освобожусь от оков и покаюсь! Завтра люди увидят рождение нового автора!

Об входную дверь разлетелась брошенная Денисом чашка. Писатель смотрел на черепки и тяжело дышал, пока автомобиль дяди Саши с визгом колодок проезжал мимо кованой ограды его дома.

В ресторане «Подлодка», расположенном под архивом городской библиотеки, обычно собирались люди творческие, стремящиеся быть в центре культурной жизни города «Чистый». Кроме обсуждения последних новостей и сплетен, здесь проводили выставки работ художников, фотографов и скульпторов, читали стихи, пели авторские песни, танцевали и проводили философские диспуты по заранее утвержденной теме. Часто для целей очередного творческого вечера использовалась полукруглая сцена у стены. В былые годы она была серой и звалась «капитанский мостик», но потом хозяин заведения принял решение перекрасить ее в оранжевый цвет. С тех самых пор местные завсегдатаи прозвали ее «апельсин». В этот вечер «выйти на апельсин» предстояло Денису Леваеву. Он выглядывал из-за кулис сцены, незаметно наблюдая, как помещение заполняют гости и журналисты.

Ресторан имел высокий, округлый свод, украшенный рыболовными сетями и длинной инсталляцией из подвешенных кусочков синего, зеленого, белого и голубого стекла. Цветные кусочки играли в свете фонарей ресторана и, будучи подвешенными за леску на разной высоте, образовывали подобие бегущей волны, которая накрывала своим блеском посетителей. В хорошо освещенном подвальном помещении слышался запах выпечки и свежих книг, собранных бастингом на столе у оранжевой сцены. Денис принялся теревить свисающий с шеи белый шелковый шарф, а его взгляд остановился на столе и двух стульях, поставленных посреди сцены. Тут на плечо писателя опустилась рука и он вздрогнул. Позади него стоял его литературный агент.

– Как ты меня напугал!

– Нервишки шалят?

– Как думаешь, я хорошо получился на рекламе?

Игорь Юрьевич обратил свой взгляд на рекламные стенды. Они были расставлены по залу и изображали сидящего за столом Дениса, старающегося выдать подобие таинственной задумчивости. Рядом с фотографией автора, разрезая окутывающий ее мрак, парила красная обложка его книги: «Отец».

– Ты получился вполне сносно. Ах, посмотри, сколько людей. Им, даже не хватило стульев. Полный зал! Аншлаг! Хорошо, что я заказал большую партию книг! Отличный вечер, чтобы подзаработать!

– Они должны меня понять...

– Что?

– Да так, мысли вслух.

– Денис, я надеюсь, ты не собираешься выкинуть какой-нибудь номер?

– О чем ты?

– Я о нашем недавнем разговоре. Про изменение концепции и все такое прочее. Уж не собираешься ли ты сегодня сделать какую-нибудь глупость?

– Глупость – не собираюсь.

Игорь Юрьевич жадно посмотрел в зал и, подобно бдительному защитнику, загородил его от Дениса своим торсом. Мужчина настороженно всматривался в лицо писателя поверх

своих очков в золотой оправе, пока тот смотрел мимо него – в лишь ему известную пустоту. Литературный агент шагнул вперед и оттеснил Дениса в темноту, к двери гримерной:

– Над репутацией работают долгими годами, а роняют ее за один миг. Не делай ничего такого, о чем будешь после жалеть, Денис. Людям нравится под видом философских идей и завуалированных теорий читать похабщину. Потом они смогут сказать: «Я прочитал не очередную вульгарную ерунду, а остросоциальное произведение!». Не лишай их такой возможности. Ты делаешь вид, что пишешь на оригинальные и актуальные темы, а они делают вид, что это, действительно, так.

– А на самом деле я пишу чернуху и развращаю умы людей...

– Да чтоб тебя! Ты делаешь деньги! Мы продаем то, что продается. Все остальное не важно! Человек не важен! Сгинет он, так придут другие! В этом мире значимы две вещи: деньги и блага, которые они дают! А если тебя совесть мучает, то иди в монастырь!

– Я понял тебя.

– Очень на это надеюсь. Так, нам пора начинать.

Игорь Юрьевич вышел легкой походкой на центр «апельсина» и широко улыбнулся. Зал ответил на его белоснежную улыбку аплодисментами. Круто провернув в руке микрофон, мужчина поднес его к губам:

– Что за вечер, что за прекрасные, начитанные люди? Я рад приветствовать всех вас в этом чудесном заведении. Сегодня мы поговорим о новом произведении писателя, автора песен и сценариста – Дениса Андреевича Леваева. Мы поговорим о книге «Отец». Осмелюсь заметить, что я уже прочитал это волнующее произведение и уверен, что оно найдет свое место в сердцах и умах думающих людей. Людей – открытых для нового, не ограниченных доктринами и стереотипами. Людей, осознающих многогранность бытия и его неоднозначность. Людей, свободных, готовых экспериментировать и ошибаться ради познания истины, – Игорь Юрьевич изобразил грустную улыбку и под несколько вспышек фотокамер выдержал паузу. – Денис Леваев, этот смелый, самоотверженный творец, не боится выносить на суд читателя проблемы современного общества. Через своих персонажей, он рассуждает о значении удовольствий в жизни человека, об идейном давлении, об атеизме и религиозной вере, о свободе и ее реализации...

Денис стоял за ширмой сцены и слушал, как большие, черные колонки разносят по ресторану голос литературного агента. С каждым произнесенным словом писатель морщился все сильнее, и когда Игорь Юрьевич объявил его выход, кое-как вышел на подкашивающихся ногах. Слегка поклонившись под аплодисменты и вспышки фотокамер, он сел за стол и разом осушил стакан воды. Довольный и раскрасневшийся Игорь Юрьевич плюхнулся рядом:

– Давай, жги. Я их хорошо разогрел.

Множество заинтересованных глаз смотрело на писателя. Слышался шепот и скрипдвигающихся стульев. Зрители, которым не нашлось сидячих мест, подходили ближе к сцене, протискиваясь между рядами стульев и столами с угощением. Денис глубоко вдохнул и медленно выдохнул, его лицо тронула натянутая улыбка:

– Здравствуйте, дорогие гости. Я очень рад, что все мы сегодня собрались здесь. Полный зал говорит о том, что я способен заинтересовать читателя, а это значит, что я на правильном творческом пути. И этот путь привел меня к «Отцу». Мое новое произведение – это аллюзия на современное общество. На социальный конгломерат, обрекающий человека на одиночество в толпе. Главный герой моей книги – простой парень, пытающийся понять, зачем он пришел в этот мир, как ему обрести счастье и чем руководствоваться на этом сложном пути длинной в жизнь. С этими вопросами он обращается к своему отцу, с которым у него довольно сложные отношения. Но мировоззрение отца и сына настолько противоположно, их образ мышления настолько разный, что догматичные наставления отца только мешают молодому человеку разобраться в своих чувствах...

В помещении ресторана взмыла вверх изящная рука, и Денис встретился с цепким взглядом молодой журналистки, сидящей в первом ряду. Гордо держа осанку, она слегка покачивала изящной рукой, привлекая к себе внимание. Писатель сразу узнал виновницу своего последнего «приступа меланхолии» и удивился, что сразу ее не заметил.

– Опять эта мегера, – Игорь Юрьевич насутился и сложил пухлые руки на груди. – Ей нужны наши яйца в качестве трофея...

– Диана Самойлова. Электронная газета «Твой бестселлер». Ваше творчество славится скандальной философией, оправдывающей сомнительные с позиции светской этики явления жизни современного общества. И вот, в социальной сети вы спрашиваете своих читателей о том, стоит ли изменить направление вашего творчества. Что это, авторское покаяние? Или признание растлевающего характера созданных вами произведений?

Игорь Юрьевич побелел и схватился рукой за сердце. Под встревоженный шепот и скрежетдвигающихся стульев в помещении, он громко охнул. После его свирепый взгляд уперся в висок Дениса. Но писатель на него не смотрел, все его внимание было поглощено молодой журналисткой.

– Ты...сделал *что*?

– Не сейчас, Игорь.

– Идиот! – процедил Игорь Юрьевич сквозь зубы. – Стоеросовый кретин!

– Денис Андреевич, вам нечего мне ответить?

– Все вопросы после выступления! – Игорь Юрьевич выдал журналистке самую лучезарную улыбку, на которую только был способен. – Большое спасибо! Все вопросы после выступления!

– В чем вы считаете себя виноватым, Денис Андреевич?

– Я не хочу отвечать на этот вопрос.

– А какую цель вы ставите перед собой, «упаковывая» в свои произведения собственные семейные разногласия?

Денис побагровел, а на его шее вздулась вена. Диана Никоненко удовлетворенно ухмыльнулась и закачала носком туфли, в то время как Игорь Юрьевич, словно тиски, сжал руку писателя:

– Денис, здесь камеры. Денис, прошу, нет, я умоляю, держи себя в руках. Она этого и добивается. Ей нужен скандал.

Денис встал и, сжимая в руке микрофон, медленно прошел по оранжевой сцене. Спрыгнув с ее края, он подошел к молодой журналистке и присел перед ней на корточки. Она насмешливо смотрела на писателя своими крупными, зелеными глазами, а в ее руке лежал диктофон, поставленный на запись. Вспышки фотоаппаратов и телефонов слились в белое зарево. Денис какое-то время напряженно рассматривал черты лица девушки, а после хитро улыбнулся ей:

– Во всех своих произведениях, неважно, какой теме они посвящены, я ставлю лишь одну единственную цель, прекрасная Диана. И это..., – Денис задумался. – И это...

В помещении становилось душно, а ароматы выпечки и свежих книг стремительно затихали от удушливых духов и запаха пота. Люди гудели все громче, до Дениса стали доноситься недовольные возгласы. В давке теснящихся поближе к сцене людей, кто-то опрокинул поднос с едой. Писатель все молчал, а молодая журналистка гипнотизировала его своим взглядом. Но тут Денис очнулся от наваждения и запрыгнул обратно на сцену. Пока он с вызовом смотрел во взволнованный зал, Игорь Юрьевич вскочил с места, и уже было открыл рот, но не успел сказать и слова. Из черных колонок раздался голос Дениса Леваева:

– Во всех своих якобы остросоциальных произведениях я ставлю одну единственную цель. Я просто зарабатываю бабки. И этому посвящено все мое творчество. Не заботясь о художественной ценности произведения. Не стесняясь восхваления слабостей человека. Не заботясь о том, как мои книги, сценарии или песни повлияют на людей и, возможно, в числе других

факторов, даже изменят их. И я каюсь. Я каюсь в том, что так безответственно подходил к столь высокому призванию писателя...

Игорь Юрьевич вырвал у Дениса микрофон и с глупым выражением лица уставился в зал, где в воздухе повисло неловкое молчание. Постепенно, как шорох, среди людей стал нарастать беспокойный шепот. Журналистка Диана Самойлова встала со своего места в первом ряду и, кивая головой, медленно хлопала писателю. Вспотевший литературный агент что-то беспокойно бормотал себе под нос, но через секунду заговорил уже в микрофон:

– И я, вместе с Денисом Леваевым, каюсь в том, что предыдущие книги нашего дорогого автора не отражали в полной мере всю сложность человеческого существования. Но в новом произведении: «Отец» вы найдете ответы на все интересующие вас вопросы, найдете настоящую человеческую мораль и раскрытие подлинного смысла жизни современного человека. При чем, на таком высоком уровне, о котором ищущий истину человек может только мечтать! Эта книга – революция! Эта книга – откровение, дороги мои!

Денис захотел возразить, но Игорь Юрьевич, заранее приобнявший его, со всей силы сдвинул писателю локоть пухлой рукой, после чего продолжил свой монолог. Стоящий в объятиях литературного агента мужчина почувствовал, что начинает задыхаться.

– Ну, а что касается, как выразился Денис Леваев, бабок, то кто же их не любит! Потому что, как пишет наш дорогой автор, без бабок человеком не стать! Так что смело ловите по жизни достаток, дорогие мои! Хватайте этого денежного гномика за уши и, как следует, трясите! Трясите, пока из этого бородатого засранца не упадет последняя мелочь!

В зале послышался смех. Фальшивый и сначала неуверенный, он шуршал и постепенно нарастал, словно рокот черной волны, несущийся на Дениса Леваева. Писатель замер и растерянно смотрел на собравшихся людей, пока литературный агент тряс его руками за плечи, и тоже наигранно хихикал. Смех раз за разом ударял по Денису волнами, и он тоже засмеялся. Сначала растерянно и тихо, но с каждой секундой все злее. Он закивал аудитории, охватывая ее ненавидящим взглядом, затем вырвался из цепких лап Игоря Юрьевича и размашистой походкой пошел прочь со сцены, прочь из ресторана. Литературный агент догнал писателя в подсобном помещении, ведущему к черному выходу. Среди длинных, грязных труб, тянувшихся вдоль стены в плохо освещенном коридоре, он схватил писателя за рукав:

– Ты куда это собрался?

– Я ухожу!

– Какого черта ты творишь?

– Я сказал им правду, а они посмеялись надо мной! Им проще заржать, чем признать, что все это сраный фарс и клоунада!

– Это отлично! Это замечательно, что они посмеялись над тобой! Это, мать его, самый прекрасный выход из того цирка, который ты устроил! Хотя пресса нам спуска не даст, будь уверен! Мы еще устанем оттираться от дерьма! Хотя, что это я! Оттираться буду я, а ты, кретин, как всегда сыграешь обиженного псевдо гения и отчалишь по алкогольным волнам! Мы столько работали над твоим образом, столько в него вложили, а ты все испортил своими душевными метаниями!

– Я ухожу! Меня все это достало!

– Если ты сейчас уйдешь, то считай нашу дружбу оконченной! Я больше не буду работать с тобой! Я не нянька, а ты не ребенок! Хватит подтирать задницу нашими деньгами!

– Я ухожу..., – Денис вырвал свою руку из ладони Игоря Юрьевича.

– Да чтоб тебя, Денис! Это будет ужасный скандал! Выйдя на улицу, ты похоронишь себя, как автора, потому что люди не простят тебе подобного пренебрежения!

За Денисом хлопнула тяжелая металлическая дверь, и он быстро пошел по скользкому асфальту. Литературный агент выбежал следом за ним и остановился, смотря мужчине вслед:

– Отлично! – литературный агент ударил себя ладонями по лбу. – Просто замечательно! Давай, беги под крыло к папочке. Пусть он найдет тебе местечко в своей строительной компании! Потому что сегодня ты похоронил карьеру писателя! С таким отбитым на голову психопатом, как ты, никто не захочет работать! Ни один канал и ни одно издательство, слышишь? Пусть теперь папочка с тобой нянчится и за собственные бабки издает твою макулатуру! А макулатуры, поверь, будет много! Потому что тебе никогда не стать другим автором! Ты уже давно уперся в свой творческий потолок!

Денис остановился и медленно повернулся. Он бросил на Игоря Юрьевича мрачный взгляд и залез в BMW. Включив скорость, писатель надавил ногой на акселератор и с визгом колодок понесся прочь. Под звуки автомобильных гудков, на перекрестке Денис проскочил на загоревшийся красный свет, в последнюю секунду разминувшись с другим автомобилем. Всю оставшуюся дорогу до дома писатель гнал и на предпоследнем крутом повороте от жилого района, где он жил, его BMW круто занесло. Одновременно с глухим ударом и снопом желтых искр, Денис уткнулся лицом в сработавшие подушки безопасности. Он просидел в кресле минут десять, кое-как вылез из автомобиля и, осев на дорожное полотно, схватился руками за голову.

Вечером следующего дня соседи писателя принялись украшать фасад своего дома уличной гирляндой. Женщина держала своему мужу стремянку, пока их маленький сын играл в небольшом сугробе с лабрадором. Наблюдающий за ними со второго этажа Денис отвернулся от окна и взял с подоконника письмо в рамочке. Держа его в руках, писатель снова посмотрел на семью – фасад соседского дома заиграл голубыми огоньками под радостные детские крики и звонкий собачий лай. Через минуту вся семья скрылась в глубине дома. Взгляд Дениса забегал по строчкам аккуратного женского почерка:

«Здравствуй, любовь моя! В этот быстрый век высоких технологий, написанное от руки слово любящего человека стоит несоизмеримо больше, чем все звонки и сообщения. Хотя ты и подищиваешь над моей манерой выражать чувства, я не могу отказаться от этого. Мне доставляет огромное удовольствие взять чернила, ручку и написать на шершавой бумаге в этот пьянящий весенний вечер то, что я чувствую к тебе. И пусть нас разделяет всего лишь несколько часов пути, а не годы странствий, как героев художественного романа, подобное выражение чувств гораздо ценнее мертвых и пустых электронных текстов. Я пишу, чтобы просто напомнить тебе: ты – мой самый любимый автор. Помни, что твоя первая книга – лишь ступень в огромной лестнице творчества. Ты пишешь достойно, помня об ответственности за то, что ты выносишь на суд читателя. И пусть сейчас ты – в начале пути, я верю, что роман удался. Поднимайся по этой лестнице, стремись к ее духовной вершине и веди за собой людей к безграничному миру доброй фантазии. Покажи им – то прекрасное, что дано человеку для его счастья. Не отказывайся от своей мечты и, не слушая злых языков, иди к намеченной цели. Верь в себя и в великую силу любви. И не смотря на то, что сейчас нас разделяют города, помни, что моя душа всегда будет рядом с тобой. Ты – часть меня. Очень по тебе скучаю и люблю.

С надеждой на скорое выздоровление и объятия, твоя Чернильная Девушка».

Денис бережно поставил рамку с письмом обратно на подоконник, закурил, и белый дым от тлеющей травки заполнил комнату. Его взгляд остановился на высотке, торчащей мрачной горой за частным сектором, где он жил. Денис затушил самокрутку и спустился в гараж. Белый BMW стоял в сумраке между двумя стеллажами с рабочим инструментом – смятый капот, вмятина с содранной краской на правой стороне кузова, разбитая ксеноновая фара. Стоя перед автомобилем, Денис меланхолично осматривал повреждения, крутя на пальце ключи от замка зажигания. Рядом, наполовину укрытый тентом, стоял японский мотоцикл Kawasaki 1984 года,

цвета морской волны. Денис скинул с него тент, уселся сверху и повернул ключ, торчащий из замка зажигания. В ответ – тишина. Мотоцикл вот уже как пять лет стоял сломанный, но писатель частенько на него усаживался и пытался завести. Покончив с этой глупой затеей, мужчина закрыл гараж и сквозь сумерки пошел пешком мимо прямоугольных огоньков чужих домов. Услышав сзади шорох, мужчина резко обернулся, но улица была безлюдной. По дороге он открыл прихваченную с кухни бутылку виски и, рассматривая попавшегося на пути подтаившего снеговика, сделал несколько глотков.

– Устал приятель? – спросил Денис у снежного изваяния. – Я тоже...

Недостроенная высотка стояла на заросшем березками пустыре, отделяющим поселок от города. Ветер трепал рваные куски укрывной пленки, которые как приведения мелькали белыми пятнами на фоне мрачных стен здания. Когда писатель шел к этой мрачной цели мимо одиноко дерева, стоящего в поле, его нога резко провалилась глубоко в снег, и он потерял равновесие. Ухватившись за ветку, мужчина ободрал себе руку до крови. Под разносящиеся в белом поле ругательства, крючковатое сухое дерево осталось стоять с капельками крови, которые будто бы сочились из него, падая на снег. Под вой бродячей собаки Денис пролез в дырку под забором из металлических листов. Он обошел длинный котлован по одной из множества собачьих тропинок и приблизился к высотке. Из-за угла дома на писателя выскочил бродячий пес. Сторож встал поодаль и с лаем принялся прогонять незваного гостя. Денис метнул в него бутылку с виски, которая, разлетевшись об угол бытовки, испугала животное. Мужчина стал медленно подниматься по бетонной лестнице многоэтажки – мимо разрисованных граффити стен, мимо пустых бутылок и разной грязи.

Денис уперся руками в ограждение крыши и стал вслушиваться в ночной пульс города: шум дорог, вой сирен, далекие гудки кораблей, музыку, свист и редкие хлопки. Прорезая мрак, горело ярким светом многообразие окон, витрин и огромных рекламных баннеров. На ближайшем через автомагистраль здании, в длину всего его фасада висела подсвеченная реклама очередного, грядущего телефона компании ВТУ. На баннере, изображенная в профиль девушка с ярко накрашенным ртом, лизала новую модель смартфона, на экране которого красовалась картинка леденца на палочке. Рекламный слоган под фотографией гласил: «Не сдерживай себя!». Мужчина посмотрел вниз – на снег, глину и рассыпанные как кубики строительные вагончики. Он перелез через ограждение, – ветер треплет волосы, глаза подпернуты мутной поволокой, – и присел на него, свесив ноги. Ограждение угрожающе качнулось, и Денис на дрожащих ногах быстро перелез обратно. Он осел на грязную крышу и закурил трясущейся рукой. Внизу мелькнул чей-то силуэт и писатель увидел, что поодаль от здания стоит человек, а в его руке светится мобильный телефон.

– «Прыгай!» – прочитал Денис только что полученное сообщение, и незнакомец внизу помахал ему смартфоном.

– Нет, нет, нет, – зашептал Денис. Его голос сорвался на крик. – Не дожدهшься, ублюдок! Не дожدهшься! Кем бы ты ни был, лучше проваливай, иначе я спущусь и выбью из тебя все дерьмо! Тебе ясно? Я тебя не боюсь, слышишь, тварь? Убирайся!

Телефон звякнул новым сообщением.

– «Пришло время расплачиваться за грехи, Дениска. Прыгай!»

Денис подобрал попавшуюся под руку бутылку и бросил ее вниз.

– «Ты не способен написать что-то стоящее. Прыгай!»

Внизу послышался громкий лай и четыре собаки стали окружать незнакомца. Человек схватил арматуру и попятился в сторону забора, скрывшись за одним из вагончиков. Затем послышались два хлопка выстрелов и собачий визг. Денис долго сидел на крыше, не желая смотреть вниз. Потирая холодные руки, он тихо плакал, но через какое-то время поднялся и, протерев мокрые глаза, с вызовом посмотрел на город:

– Вам, действительно, это нужно? Я вас спрашиваю, вы действительно этого хотите? – мужчина надрывно кричал в железобетонный массив ночного города. – Поздравляю вас! Я больше не хочу стать другим. Я остаюсь! Вы слышите? – заграждение под его руками угрожающе качнулось. – Здесь и сейчас, я клянусь, что напишу самый гнилой, самый пошлый, самый беспринципный и черный роман, на какой только способен! Я буду соответствовать вашим ожиданиям! Вы хотели, так получайте!

Кусок брошенной арматуры полетел в сторону черного города, который ответил Денису только ему слышным, демоническим, шипящим смехом, сплетенным из шума дорог, визга улиц и далекого гула порта.

Денис не спал всю ночь. На рабочем столе были разбросаны раскрытые книги, испорченные красным маркером. Он вписывал тезисы из них в свой блокнот, а что-то выделял красным прямо на книжном листе. На пол летели вырванные из блокнота, исписанные листы. Один за другим, лист за листом. Сидя за столом, Денис схватился руками за голову и достал из ящичка стола личный дневник. Он раскрыл его, провел подушечками пальцев по остаткам давно вырванных и навсегда исчезнувших страниц. После минуты раздумий, ручка зашуршала по листу:

«Раньше меня это спасало. Поэтому снова возвращаюсь к старым приемам написания текста. Буду выписывать всю боль и обиду на бумагу. Она все терпит, а заодно поможет мне лучше прописать желаемого персонажа и продумать историю. Информацию, сочащуюся из нутра сознания, легче упаковывать в строчки».

«Сразу вспоминается первая серьезная рукопись. Верочка поддержала мое желание попробовать себя в писательстве, и я принялся разрабатывать синопсис о настоящем герое. О принце из доброй сказки. Это позже я понял, что сказок не бывает. Мой персонаж, мой добрый врач, лечащий руками, с середины рукописи превратился в монстра. После того, как я потерял Веру, я сам превратился в монстра и бросил его тень на бумагу. Внутренняя чернота поглощала меня, выворачивая наизнанку, а все, что она выплескивала, оставалось на бумаге. Без сожаления, без жалости я резал ручкой страницы, убивая свет моего первого произведения. Так в агонии ненависти родился мой первый ребенок из бумаги и чернил. Так я стал разрабатывать на том, чего следовало бы стыдиться».

«За последнее время столько людей не упустили шанс бросить в меня свой камень или указать на мое место. Все они, родные и знакомые, не видят во мне человека. Я для них – средство, функция, удобный алгоритм...».

«Пишу все это, а легче не становится. Получается, что, наоборот, мучаю себя воспоминаниями. Но, может, так оно и лучше. Нужно разогнать разум, раскачать берега сознания. Пусть мысль снова льется, а я буду ловить ее, словно рыбу, и бросать в сеть из печатных слов. Пусть в этих чувствах из боли и неверия снова родится ребенок и пусть мир ужаснется ему. И пусть пожалеют те, кто в меня не поверил!».

За окном теплился рассвет. Писатель отложил в сторону ручку и посмотрел на картину Петера Рубенса: «Страшный суд». Он встал и, сняв полотно со стены, отнес его на чердак. Посреди стеллажей с книгами мужчина стоял и смотрел, как страх, ужас, надежда и агония изображенных на картине душ, сливаются в единый водоворот битвы добра со злом. Губы писателя тронула грустная улыбка:

– Справедливость с отсрочкой.

Когда он ставил картину на пол чердака, то заметил, что за книжным стеллажом, между коробками, стоит постер в треснутой раме. На нем была изображена рок-группа, каждый из участников которой застыл в своей оригинальной позе на фоне кучевых облаков. Денис посмотрел левее центральной девушки-вокалистки и увидел себя – молоджавого и веселого,

держашего в руках бас-гитару. Писатель стер ладонью со стекла толстый слой пыли и прочитал название группы. HEAVENLY CASTLE – было выведено крупными бирюзовыми буквами на постере.

– Он и тогда был мной не доволен. Говорил, что пора повзрослеть..., – Денис поставил постер обратно за стеллаж. – Как мы там пели? Рисуи свою реальность? Хм, рисуи свою реальность...

Все полки с коллекционными яхтами и парусниками в кабинете, следом за картиной, были сняты. Спустя сутки, их место заняли газетные и журнальные вырезки, цитаты крупным шрифтом, нарисованные от руки персонажи, старые фотографии людей и городов. Центральное место убранной картины заняли восемь рисунков. На первом был изображен уродливый, змееподобный мужчина в черном фраке, сидящий на куче денежных купюр. *«Подмена ценности человека состоянием его кошелька»* – было выведено мелким почерком. На второй рисунок была приклеена вырезанная из журнала модель, вызывающе выставившая изгибы тела и обнаженную грудь. *«Подмена любви похотью»* – гласила надпись под изображением. Третий рисунок показывал избитого человека, лежащего под фотовспышками зевак. *«Подмена силы жестокостью в мрачном или ироничном ключе»* – было написано под рисунком. Четвертый рисунок представлял собой коллаж с приклеенными фотографиями больших гамбургеров, мороженого, бутылок, таблеток и сигарет. *«Подмена естественного удовольствия пагубной зависимостью»* – было выведено под ним мелким почерком. Пятый рисунок изображал уродливое существо, созданное из разных фрагментов человеческих тел. *«Подмена оригинальности скандальной противоречивостью»* – гласила надпись под рисунком. Шестой рисунок изображал до слез смеющихся, свиноподобных людей, которым выступающий со сцены клоун демонстрировал свой половой орган. *«Подмена юмора пошлостью»* – было выведено под ним. Седьмой рисунок изображал коренастых мужчин, больше похожих на детей. Они с каверзным выражением лиц заворачивали бруски с надписью «бизнес-проект» в яркие конфетные обертки: «патриотизма», «единства» и «веры». *«Подмена возвышенных принципов и идей бизнесом»* – гласила надпись под изображением. На восьмом рисунке был изображен человек с мусорной корзиной вместо головы. Пухлые, богато одетые мужчины, собравшиеся вокруг фигуры, бросали в эту корзину разный мусор, а персонаж с головой-корзиной протягивал кидающим деньги. *«Подмена критичности расслабленностью человеческого ума»* – было написано на рисунке. В каждое из восьми изображений были вколоты булавки, от которых тянулись ниточки, соединяющиеся у жирной надписи на стене: *«Опоры финансовой успешности современной медиа культуры»*. Денис сделал несколько шагов назад и окинул взглядом всю стену:

– Будем исходить из этого.

Писатель добавил в сваренный кофе коньяка и сел за рабочий стол. Попивая горячий напиток, мужчина принялся писать в личном дневнике. Он изредка оборачивался на заклеенную листами и фотографиями стену, после чего снова обращался к дневнику.

«Общий курс намечен. Постараюсь использовать все эти медиа рычаги на полную катушку и уйду в творческий отрыв. Никогда раньше не использовал разом всю артиллерию идейного фронта. Это будет очень интересный опыт. Несмотря на усталость, впервые за долгие годы я полон воодушевления. Сюжет грядущего произведения уже вспыхивает в моем сознании яркими обрывками сцен и диалогов. Пусть одиночество постепенно отравляет душу и разум, оно также помогает более тонко чувствовать себя. Я возвышаюсь над суетой и ухожу в темную глубь собственной боли. Мое сознание, как музыкальный инструмент, играющий грустную мелодию. Осталось ее только записать».

«Прелесть подобного изложения мысли в том, что она, свободно изливаясь на бумагу, усыпляет мою самокритичность. Я пишу искренне, от души, и мне не надо ничего выжимать из сознания силой. Так постепенно из кусочков мысли формируется будущий главный герой. Он

выходит из темноты, пробуждая к жизни события и окружение, в котором все и произойдет. Да, так пишется, безусловно, легче».

«История должна быть красивой, в хорошем окружении. Архитектура, костюмы, манеры и все такое, – Денис задумался, уставившись в стену перед собой. – Пусть это будет альтернативная версия отечественной истории. Скажем, Российская Империя конца XIX века. Нарастание общественного недовольства, форсирование экономики, крепостнические пережитки и жесткая классовая раздробленность. Неплохо, мне нравится. Главный герой – Петр Введенский, приезжает из-за границы в Москву. Нет, не в Москву, в Петербург. Да, значит, в Петроград возвращается мистик-революционер Петр Введенский, финансируемый оккультным орденом из-за границы. Он находит единомышленников и создает ячейку культа на территории России. Его цель – сделать русский народ по-настоящему свободным и раскрепощенным. Надо будет прописать видных исторических фигур, вплести их в сюжет. Это будет интересно. Так, мысли уводят меня. Нужно прописать характерные черты главного героя и личностный склад. Какой он, этот Петр Введенский? Как выглядит и чувствует себя человек, избранный подсадить в сознание людей новую идеологию, идеологию слепого получения удовольствий. Так какой он, этот человек?».

Дениса разбудил телефонный звонок. Он вяло взял мобильный и, увидев кто звонит, положил его обратно на прикроватную тумбочку. Время шло, и звонки, раз за разом, повторялись. Через час раздался звонок и в домофон. Денис выглянул в окно первого этажа. На подъездной дорожке, рядом с Jeep Grand Cherokee черного цвета стоял мужчина в пальто, с седой бородой по грудь и с аккуратно зачесанными назад волосами.

– Только не это, – прошептал Денис.

Писатель неуверенно прошел в прихожую и открыл кнопкой калитку.

– Живой! – мужчина крепко обнял Дениса.

– Не знал, что ты в городе, отец.

– Позвонила Настя. Твоя сестра была очень обеспокоенной, и я хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

– Убедился?

– Зачем ты так?

– Брось эту лирику, отец, – Денис прошел на кухню. – Твои короткие визиты, раз в полгода меня, к ней совсем не располагают.

– Не я тому виной, Денис, – отец писателя сел за кухонный стол. – Я помог купить этот дом в качестве подарка вам на свадьбу. Он должен был стать вашей семейной обителью. А ты, который год, слоняешься среди его пустых стен и мучаешь себя. Мучаешь воспоминаниями и разрушенными мечтами. Зачем? Скажи мне, зачем?

– Если бы вместе с точкой на карте, мы могли бы оставить и воспоминания, то я давно бы отсюда уехал. Но это не так. Кроме того, этот дом вдохновляет меня. Эти, как ты выразился, пустые стены помогают мне творить. Именно здесь появился писатель Денис Леваев.

– Похоже, ты похоронил писателя Дениса Леваева. Мой личный помощник нашел одиннадцать разгромных статей про тебя. Между прочим, к двум из них приложил руку наш родственник.

– Родство с ним оскорбляет меня...

– Денис, я хочу, чтобы ты оставил этот город и уехал со мной.

Турка в руках Дениса замерла на середине пути к плите.

– Я привык жить один, знаешь ли. Тем более я не располагаю желанием сближаться с моими новыми братьями и сестрами...

– Я не предлагаю переехать прямо к нам. Есть еще одна квартира. Тебе она должна понравиться. Из нее открывается отличный вид на парк. Красота...

Денис молчал, наблюдая, как в турке закипает кофе.

– Ладно, сын, пойду, помою руки.

– Иди на второй этаж, внизу что-то с сантехникой.

Денис разлил кофе по чашкам и достал из холодильника половину вишневого пирога. Отец все не спускался. Писатель погрел пирог и принялся пить кофе в одиночестве. Не допив кофе, он решил подняться за отцом на второй этаж. В ванной комнате мужчину его не нашел, а из кабинета писателя – в коридор падала длинная тень. Отец с интересом листал его личный дневник.

– По какому такому праву ты зашел сюда?

– Увидел из коридора это подобие «стены детектива», – отец Дениса указал на газетные и журнальные вырезки, цитаты крупным шрифтом, нарисованных от руки персонажей и фотографии.

– Мне не пятнадцать лет, чтобы ты копался в моих личных вещах!

– Интересные у тебя здесь записи...

– Не смей трогать мои личные вещи, отец!

– Какова твоя цель, Денис? Для чего ты готовишь почву?

– Я не собираюсь это обсуждать!

– Тогда я отсюда не выйду.

– Это еще почему?

– Потому что это все, – отец Дениса развел руками, – меня очень беспокоит.

– Выходи!

– Нет.

– Выходи, я сказал!

– Только если ты объяснишься. Насколько мне известно, раньше ты так не заморачивался с писательской работой. Так что ты задумал?

– Я хочу показать, как низко человек может пасть, если все его слабости и пороки получат оправдание со стороны поддерживаемого массами учения.

– Зачем ты это делаешь?

– Я хочу сделать мир чуточку лучше.

– Не ври!

– Я не вру.

– Не ври мне!

– Хочешь правду? Так получай! Пора выводить дерьмо на новый уровень! Ведь именно этого они все от меня ждут. Именно это мой потолок! Ни на что хорошее я, видите ли, не способен!

– Опять философствуешь молотом, Денис?

– Я напишу манифест духовно слепому индивидуалисту! Прослаблю образ персонажа, соединившего в себе все пороки современного общества! И преподнесу это как норму, как нечто обыденное, тебе ясно?

– Значит, ты отказываешься от смысла...

– В моей жизни уже давно нет никакого смысла.

– Нужно всегда оставаться человеком. Это и есть смысл.

– И все? Это слишком очевидный смысл. Нет ничего проще.

– Если за человечность принимать качества среднестатистического обывателя, то – да, нет ничего проще. А я говорю тебе: оставайся человеком в самом возвышенном смысле этого слова. Стремись к всеединому идеалу человечности, идеалу, который выше низменной слабости, выше национальной розни, выше предубеждений и разделяющих народы учений. Это тот смысл, который человек способен охватить.

– Этот мир безнадежно болен, отец. Я в нем ничего не решаю и подобный смысл мне не нужен.

– Нет, сынок. В жизни все начинается с человека. Великое благо и ужасное зло. Если ты считаешь, что не способен измениться или боишься этого, то продолжай и дальше жить чужим умом. Пусть люди с такой же израненной душой, как и у тебя, решают, на что ты способен, а на что нет.

– Ну а что в центре этого твоего всеединого смысла?

– Любовь, – отец писателя тепло улыбнулся. – Но далеко не все понимают подлинное значение этого слова...

Вечером того же дня Денис сидел за рабочим столом и писал сценарий для новой серии. Он часто вставал из-за стола и, прохаживаясь по кабинету, декларировал вслух придуманные реплики персонажей. После, поглядывая на часы, садился за стол и вносил новые правки.

Телеканал не стал разрывать с ним контракт на сценарий из-за скандала в прессе, но выдвинул новый ряд жестких требований к качеству работы и ее срокам. Но погрузившись с головой в работу, мужчина не забывал и о разработке нового произведения. Поэтому, фотографий и заметок на стене, позади него прибавилось. Пол кабинета был завален книгами, журналами и газетами. В углу висел нарисованный на скорую руку портрет мужчины с холодным, прищуренным взором, заливчатскими усами и небольшим шрамом под нижней губой. На крепкой фигуре изображенного персонажа хорошо сидел зеленый камзол. Выдохнув, Денис закрыл ноутбук, устало потер руками глаза и повернулся в сторону портрета:

– Ну что, Петр Алексеевич, расскажем вместе интересную историю? – Денис встал и, заложив руки за спину, подошел к портрету. Вот сдамся со сценарием и вплотную займусь вами...

«Сегодня седьмое декабря. Утро за окном отличное, а настроение ужасное. Ради этой минуты – более месяца я безвылазно продирался через беспощадные и многократные драфты сценария. И вот, освободившись для совершенно нового литературного детища, я осознал, что ничего не могу написать! На черновиках хорошо проработаны характеры героев, собраны интересующие меня исторические факты, расписаны предполагаемые места действия и – ничего. Петр Введенский не хочет оживать на страницах моего романа. Уже третий день я не могу набрать даже сорока тысяч знаков! Травка и алкоголь больше не помогают. После игры на пианино и прослушивания классической музыки, вдохновение также не снизошло. Может, я действительно ни на что не годен? Больше не могу писать, даже в привычном для себя стиле?».»

Денис захлопнул личный дневник и принялся набирать текст на ноутбуке. На лбу залегла глубокая складка, пальцы отбивали по кнопкам ритм, а ноги хаотично постукивали тапками по глади пола. Через два часа мужчина с силой захлопнул ноутбук и скинул со стола несколько книг и журналов. Расхаживая взад-вперед по кабинету, он закурил, а после спустился на первый этаж, оделся и направился к своему автомобилю.

Писатель бродил по магазинам, улицам и паркам. На часы он не смотрел, а лишь меланхолично созерцал обилие новогодних товаров и ледяные скульптуры. Вокруг мерцали новогодние гирлянды, поблескивали яркими игрушками новогодние ели торговых центров и скверов, а из динамиков над головой лилась музыка. После очередного торгового центра, Денис забрел на открытый каток и стал наблюдать, как в голубом свете новогодних гирлянд на коньках катаются люди. Молодая пара, держась за руки, проехала вокруг центральной фигуры деда мороза. Маленькая девочка в шапке с длинными ушами пыталась встать на коньки под чутким руководством поддерживающего ее отца. Громкие подростки выделяли на коньках агрессивные финты перед визжащими рядом девушками. Денис поднял глаза к морозному зимнему небу

– сапфировые звезды, поддержанные легкой облачной дымкой, дарили людям свой холодный, далекий свет.

– Драгоценности, подаренные каждому.

Денис посмотрел налево. Рядом с ним, облокотившись на заграждение катка, стоял Алек. Одетый в оранжевую жилетку и держащий фотоаппарат, он меланхолично смотрел на небо, поглаживая свою немецкую овчарку свободной рукой.

– Ты о чем?

– Звезды. Драгоценности, подаренные каждому. Не важно, богатый ты или бедный, известный или бесславный, они одинаково сверкают для всех...

– Выгуливаешь собаку?

– Да. Заодно хожу и фотографирую этих пассивных людей.

– Помнишь мой мотоцикл Kawasaki? Он уже давно стоит в гараже сломанным. Может, как-нибудь заглянешь и посмотришь его? Как я помню, ты неплохо разбираешься в мотоциклах.

– С этим японцем тебе лучше обратиться к профессионалам, – замолчав, Алек задумался, и посмотрел на ледовый каток. – Хотя, с меня не убудет, если я его посмотрю. Тем более, я очень давно не был у тебя в гостях...

– Когда ты сможешь?

– Я тебе позвоню...

Денис попрощался со знакомым и, пройдя еще несколько кварталов по городу, уже было собрался домой, но, задумавшись, остановился у витрины книжного магазина и принялся рассматривать бутафорский теремок из книг, размещенный в ней. На шпиле теремка, вместо флага, висел красивый конверт, который писатель принялся внимательно рассматривать. Вдруг он прижался ладонями к стеклу и замер, а его глаза широко раскрылись, рассматривая надпись на конверте. Денис, словно ветер, ворвался в магазин и широкими шагами прошествовал к кассе:

– У вас есть чернила?

– Чернила? – девушка-кассир испуганно посмотрела на писателя.

– Да, самые обычные чернила.

– Есть. Черные и синие.

– Давайте. Черные. Еще. Еще пять пузырьков!

– Столько хватит?

– Да. И перьевую ручку! Три, три ручки!

Денис оставил свой BMW прямо в саду у дома, сбросил пальто на пол прихожей и в ботинках побежал на второй этаж. Отодвинув ноутбук, он кинул на стол стопку чистых листов, натянул на себя горчичный свитер и, выложив из пакета пузырьки с чернилами и три ручки-пера, сел за стол. Оставляя крупные пятна, перьевая ручка стремительно полетела над белым пространством, оставляя за собой чернильные контуры мысли. Страницу, за страницей, писатель выплескивал из себя ранее дремлющий роман.

Встречая рассвет, тихо запели птицы, а изможденный Денис, наконец, отложил ручку-перо. На столе перед ним лежала толстая стопка исписанных быстрым почерком листов. Мужчина раскурил самокрутку, блаженно затянулся и достал из ящика стола убранный в рамочку письмо жены:

«Здравствуй, любовь моя! В этот быстрый век высоких технологий, написанное от руки слово любящего человека стоит несоизмеримо больше, чем все звонки и сообщения. Хотя ты и подшучиваешь над моей манерой выражать чувства, я не могу отказаться от этого. Мне доставляет огромное удовольствие взять чернила, ручку и написать на шершавой бумаге, в этот пьянящий весенний вечер то, что я чувствую к тебе».

– Спасибо любимая, – с придыханием прошептал Денис. – Уже прошло восемь лет, а ты, дорогая учительница, по-прежнему даешь мне ценные советы...

Глава 2

Такси остановилось на обочине – напротив ресторана Rosée, представляющего из себя сферическое здание с прозрачными стенами, причудливо рассеивающими внутренний свет. Денис расплатился с таксистом, перешел дорогу и спустился к вмерзшему в лед причалу. Писатель встал на самый его край и, обдуваемый ветром, стал всматриваться в морозную даль. Ложась под гроыхающую из ресторана музыку сумерки пробудили изящные фонари. Они одновременно вспыхнули, залив причал и берег уютным желтым светом. В кармане пальто Дениса загудел телефон.

– Денис, ну где ты есть то?

– Уже иду, Игорь. Пять минут.

Денис зашел в открытую швейцаром дверь и из-за стекла оглянулся на окружающие ресторан просторы. Пройдя мимо двух охранников через рамку металлоискателя, писатель направился к рыжеволосой девушке в зеленом платье.

– Здравствуйте. Меня зовут Елена. Я рада приветствовать вас в ресторане Rosée. Чем я могу вам помочь?

– Добрый вечер, я приглашен на день рождения к Николасу Веберу.

– Не могли бы вы представиться? – девушка положила указательный палец на список гостей.

– Денис Леваев, – писатель протянул приглашение.

– Это, правда, вы? Я большая поклонница вашего творчества. Очень приятно, что вы сегодня посетили нас.

– А мне как приятно, Елена.

Девушка одарила Дениса ослепительной улыбкой.

– Прошу вас, пройдите в гардероб, а потом вниз по лестнице. Большой банкетный зал. Желаю вам хорошо провести время.

– Благодарю.

Одетый в черный костюм с черным галстуком Денис прошел мимо еще одного охранника и стал спускаться по ступеням. Из банкетного зала к нему навстречу поднимался Игорь Юрьевич, одетый в дорогой, но слегка тесный для него бежевый костюм.

– Денис, дружище! Как я рад тебя видеть в полном здравии!

– Здравствуйте, Игорь Юрьевич...

– Да ладно тебе, Денис. Давай зароем топор войны? Лучше расскажи, как идут твои дела?

– Да так, – Денис поправил свои очки. – Продолжаю производить макулатуру и прошу у папочки деньги на ее издание. Все, как обычно.

– Ну, перестань, я сказал это в сердцах. На самом деле я так не считаю. Просто ты поставил нас в очень глупое положение. Любой на моем месте сорвался бы! Так что тебе не за что на меня обижаться!

– Странная получается музыка, Игорь. Ты как-то резко потеплел после того, как продюсер Николас Вебер заинтересовался моей персоной и попросил передать через тебя официальное приглашение на его праздник.

– Хватит, Денис. Я всегда хорошо к тебе относился! Я не сказал прессе про тебя ни одного плохого слова! Мне пришлось врать и изворачиваться, но я не навредил тебе. Ты навредил себе гораздо больше в тот злополучный вечер!

– Да, я смотрел интервью с тобой. Лихо ты тогда загнул: «Денис Леваев, как ответственный творец и добрый человек, не выдержал того эмоционального напряжения, которое на него свалилось...» и все такое прочее.

– Только это не сильно нам помогло в делах. Ты знаешь, Денис, что работа с такими как ты – это мое хобби. Я получаю куда больше денег за ведение юридической практики и за сдачу в аренду своих торговых площадей. Погружение в мир художественного слова – мое увлечение. В России это далеко не самый популярный и прибыльный бизнес. Просто мне доставляет большое удовольствие продвигать финансово успешных и талантливых авторов. И мне тем более обидно, когда моя инвестиция начинает все портить вокруг себя. Нам нужно с этим разобраться, Денис...

– Нет больше никаких нас, Игорь. То, что мы встретились на одном мероприятии, еще ничего не значит. Я больше не буду с тобой работать.

– Тебе плохо работалось со мной?

– Мне плохо с тобой думалось.

– Ну что же. Навязываться не буду. Но ты подумай, Денис. Старый друг, он лучше новых двух. Кстати, Вебер сказал, чтобы ты зашел к нему лично...

– Хорошо. Давай пойдем в зал и повеселимся.

– Как скажешь, Денис. Как скажешь...

Они вошли в залитый красным светом зал, освещаемый девятью люстрами в форме колец. На длинных столах, вдоль полупрозрачных стен стояло обилие блюд разных форм и размеров. По венецианской плитке ходили одетые в костюмы полуголые люди: эльфы, сатиры, живые деревья, оборотни и демоны расхаживали посреди мужчин в классических костюмах и женщин в вечерних платьях. Ряженные жонглировали, извергали к потолку огонь, танцевали и целовались друг с другом, развлекая своими пестрыми нарядами и вызывающим поведением холеных гостей. Буйство ядовитых красок, визга, смеха и звона бокалов сливалось в единый гимн удовольствию под музыку живого оркестра. В воздухе пахло шампанским, дорогим парфюмом и трудно уловимой кулинарной симфонией, вобравшей в себя ароматы мяса, рыбы и самых разнообразных закусок. Официантки и официанты в ошейниках и черном латексе разносили на подносах выпивку. В конце зала располагалась сцена, на которой с правого края возвышался искусственный ледяной трон и заваленный подарками старинный стол с резными ножками.

– А вот и моя выгодная партия вернулась, – промурлыкал Игорь Юрьевич.

Свось праздничный хаос к писателю и литературному агенту подошла высокая женщина с густыми бровями и крючковатым носом. В длинном пучке ее каштановых волос красовалось перо и вплетенные жемчужные бусы. Поправив бретельку своего черного платья, она взяла Игоря Юрьевича под руку.

– Добрый вечер, Маргарита Викторовна. Отлично выглядите.

– Благодарю вас, Денис. Вы, как всегда, сама любезность. Игорь говорит, что вы самый плодовитый и талантливый писатель, из всех с кем он работает.

– Видите ли, мы с ним больше...

– Мы больше, чем компаньоны, мы – друзья! – перебил Игорь писателя. – И это очень почетно иметь такого талантливого друга!

– Ну что ты, Игорь, я уже давно достиг своего творческого потолка...

– Не скромничайте, – вмешалась Маргарита. – Писатель вашего достатка не может не быть талантливым.

– Вот и я ему всегда это говорю, дорогая. Если талант не приносит денег – это не талант. Полный кошелек и круглый банковский счет красноречивее всего расскажут о достоинствах человека.

– Благодарю за столь высокую оценку, – Денис поморщился. – Вы меня извините, я пойду, положу свой подарок на стол...

Под присмотром охранника, Денис положил подарок и огляделся. Николаса Вебера нигде не было видно. Выпив шампанского и попробовав несколько блюд, писатель медленно проха-

живался по залу между другими гостями, многих из которых он знал лично. В просвете людей он увидел двухстворчатую дверь, подошел к ней и аккуратно толкнул ее холодную, гладкую поверхность. Через узкий коридор мужчина вышел на открытую террасу, тщательно очищенную от снега, на которой стояли три человека. Они пили, смеялись и что-то живо обсуждали, пока ветер трепал полы их пиджаков – до появившегося рядом писателя им не было никакого дела. С террасы уходила лестница, ведущая вверх. Поднявшись по ней, Денис попал на еще одну, более маленькую террасу, которая располагалась немногим ниже матовой крыши ресторана. На ней, заложив руки за спину, стоял мужчина в синем костюме и смотрел на скованное льдом озеро.

– Здравствуйте!

Николас Вебер повернулся на голос и, не сказав ни слова, жестом руки предложил Денису встать рядом. Они молча стояли и смотрели на ледяную гладь, пока снег оседал на их волосах. Продюсер закурил и предложил сигарету писателю, который принялся с интересом рассматривать его профиль. На вид Николасу Веберу было лет сорок. Этот высокий, худой мужчина, казалось, не делал ни одного лишнего движения и, даже не разговаривая, источал обаяние уверенного в себе, наделенного огромной властью человека. Его хищные черты лица, – крючковатый нос, чуть изогнутый в саркастичной ухмылке рот и хитрый прищур – настораживали и будоражили сознание различными догадками. Николас Вебер вызывал в писателе противоречивое чувство – дуэт страха и первобытного любопытства, желания узнать, что прячет за душой этот явно опасный, но от этого не менее интересный человек.

– Люблю это место. В нем есть сила, – сказал продюсер.

– Да, очень красивое место.

– Именно поэтому я и построил здесь свой ресторан.

– Меня зовут Денис Леваев.

– Я узнал вас, Денис. Рад знакомству. Я смотрел видеозапись с вашей последней презентации, бегло просмотрел пару книг и почувствовал в вас хороший потенциал, особенную творческую силу. Не простое желание зарабатывать, а тягу к власти над умами людей, искреннее желание вести их за собой великой силой человеческой мысли.

– И как вы это поняли?

– У меня есть определенный опыт. Мои статус и положение обязуют смотреть дальше, чем многие привыкли, подмечать мелочи, за совокупностью которых прячется благоприятная возможность извлечь пользу. Вы меня понимаете?

– Если честно, не совсем...

– Вы можете больше чем думаете, Денис. Вот, что я имею в виду. В вас чувствуется жгучая обида на мир и желание запечатлеть себя в истории. И то и другое может сыграть нам на руку...

– Сейчас я работаю над манифестом духовно слепому индивидуалисту.

Николас Вебер стал всматриваться в Дениса своими холодными синими глазами. И без того чуть кривой рот продюсера тронула одобрительная ухмылка и он жестом предложил Денису пройти в ближайшую дверь. Когда они зашли в кабинет управляющего рестораном, Николас заговорил снова:

– *Nigra in candida vertere.*

– Точнее не скажешь.

– Если вы не справитесь, то добьетесь обратного эффекта.

– Не совсем вас понимаю.

– Вы можете обратить внимание читателя на то, на что его обращать не в ваших интересах. Если, конечно, вы и дальше хотите, чтобы книги, вроде вашего «Доктора за ширмой» также хорошо покупали, а в кинотеатрах крутили похожее кино. Понимаете, моя работа во многом состоит в том, чтобы внушить потенциальному потребителю, что он свободен в выборе того,

что ему покупать, читать или смотреть. Он не должен догадаться, что давно стал частью отлаженной системы и дрыгается как рыбка на крючке. Он не должен знать о специальных медиа технологиях, которые играют на его желаниях и страхах, как на музыкальном инструменте, заставляя делать то, что нужно нам. Я хочу вам признаться, Денис. Я обожаю таких людей – усредненных, тихих и полезных, не утруждающих себя критическим осмыслением жизни. Они мои герои. Лучше них могут быть только те, кто, считая себя невероятно умными и образованными, видят в приземленной ерунде оригинальность и несуществующий глубокий смысл.

– И как мне повысить свои шансы на успех?

– Вы должны сами поверить в то, в чем вы хотите убедить других. Для этого, хотя бы приблизительно проживите то, о чем планируете написать. Например, схлестнитесь с обывателем, отстаивая приоритет финансового благополучия над нравственным содержанием человека.

– А что на счет подмены любви?

– Зайдите предельно далеко в своих фантазиях и желаниях, воплощая их с человеком, которого на самом деле не любите. При работе над своим манифестом описывайте это красивыми фразами и возвышенными словами. Прячьте «низкое» за видимостью «высокого».

Николас достал из шкафа пакетик с фруктовым мармеладом и присел на край письменного стола. Продюсер резким движением раскрыл упаковку и, подобно счастливому ребенку, заглянул внутрь. Наблюдая за ним, Денис присел в офисное кресло, стоящее у стены.

– Люблю жележных мишек. Хотите? – спросил Николас.

– Нет, благодарю.

Николас Вебер достал из пакетика красного медвежонка, с упоением откусил ему голову, а после съел и обезглавленное тело. Второй медвежонок был съеден в точно таком же порядке. С каждой следующей откусанной головой продюсер довольно причмокивал. От этого зрелища, по спине Дениса побежали мелкие мурашки.

– Вот, Денис, возьмите визитку моего личного помощника. Буду ждать результатов вашей интересной задумки. Если у вас все получится, и книга хорошо продается, то мы купим идею для большого экрана.

– Это было бы замечательно. Большое спасибо за советы.

– Был рад вам помочь...

Белый седан BMW остановился у сплошного гранатового забора, за которым возвышался двухэтажный дом из черных прямоугольных модулей с панорамными окнами. Закрыв автомобиль, Денис прошел в приоткрытую калитку. Не успел мужчина сделать и несколько шагов по аллее, усаженной утепленными на зиму туями, как на него, громко пыхтя, выскочил огромный сенбернар.

– Жу-жу, стой! Фу!

Сенбернар повалил мужчину на лопатки и старательно облизал ему лицо. Кое-как отбившись и встав на ноги, Денис стал, ругаясь, стирать с себя слюни. Счастливый Жу-жу, передвигаясь вприпрыжку, проводил его до металлической лестницы, ведущей к входной двери. Денис зашел в дом, сбросил ботинки и громко постучал о дверной косяк. По лестнице второго этажа спускалась шатенка в джинсах и черной блузке. Разговаривая по телефону, она помахала мужчине рукой и жестом указала в сторону кухни.

– Виктор, Вы просто привыкли волноваться. Страх лишь в вашей голове, а описываемая вами ситуация по своему содержанию нейтральна. Не обращайте внимания, – продолжая телефонный разговор, хозяйка дома поставила на черный стол две кофейные чашки. – Да нет же. Слушайте. Виктор, послушайте! Действуйте, а не волнуйтесь. Все. Жду вас в условленное время с выполненным домашним заданием. Да, я верю в ваш успех, всего доброго.

– Ты чего такой мокрый? – женщина положила телефон на стол.

– Со мной поздоровался Жу-жу.

- Вот, возьми полотенце. Зачем хотел со мной встретиться?
- Планирую организовать писательские курсы. Для этого хочу арендовать нежилое помещение твоего сына в одном из торговых комплексов.
- Это можно устроить.
- Тогда нам нужно заключить договор краткосрочной аренды.
- Зачем? Я доверяю тебе, а у тебя нет повода не доверять мне.
- А как тогда?
- Я хочу половину выручки с каждого занятия.
- Хорошо.
- Как быстро ты согласился...
- Ну, у меня на то свои, личные причины.
- Сколько будешь брать за одно занятие?
- Пока не решил...
- Я думаю, тысячи две-три будет в самый раз.
- Да ты что! За такие деньги ко мне никто не станет ходить. Ты – известный доктор психологических наук, практикующий психиатр и психолог с мировым именем, можешь себе позволить большие цены за консультацию, а я в данном случае буду довольствоваться куда менее скромным ценником...
- Тебе, как и раньше, не достает уверенности, Денис. Ну, ладно. Сделай первое занятие за две тысячи. А в его конце объяви, что последующие будут стоить всего лишь полторы.
- Думаешь?
- Уверена, и тебе этого советую.
- Тогда договорились.

Виктория и Жу-жу проводили Дениса до машины. На город опускались сумерки, пробуждая к жизни вереницы уличных фонарей. Когда писатель сел в свой автомобиль, женщина окликнула его:

- Денис, как здоровье? Ты пьешь таблетки, которые я тебе прописала?
- Только в отношении меня не включай психиатра, ладно? Я давно здоров.

Денис поспешно захлопнул дверь своего белого BMW, нервно махнул на прощание рукой и вскоре женщина с собакой скрылись из виду за ближайшим поворотом.

Утром следующего дня Денис сидел за своим письменным столом и занимался разработкой выступления для курсов писателей. Он подбирал наиболее броские слова и выражения, чтобы набираемый текст казался слушателям интересней. После часа усердной работы над материалом, писатель решил уделить время и своему новому роману. Но, исписав ручкой-пером только одну страницу, он открыл свой личный дневник и принялся выводить то, что не давало его душе покоя.

«Сегодня 20 декабря. За окном пасмурно, как и в моей душе. Написание романа до этого момента шло быстро. Чернила, подобно крови, наполняют его живым содержанием, буква за буквой ткнут его темную душу. Петр Введенский получается отличным, глубоким персонажем со сложным характером. Но появилась одна проблема. У меня не получается расписать страстную героиню. Цыганка, которой увлекается главный герой, выходит картонной, хоть в альбом клади! Это все не то. Пытаясь мысленно углубиться в эти чувства, сразу вспоминаю мою Веру и те счастливые пять лет, что мы прожили вместе. Становится нестерпимо плохо и получается не пылкое пламя страсти, а тлеющие угли унесенного ветром счастья. А об этом пока рано. Сначала – подмена настоящей любви страстью и похотью. Николас Вебер прав, нужно пережить что-то подобное самому. Не ради себя, ради моего детища...».

В кофейне «Реквием» все столики и места у барной стойки были заняты. Из аудиоклонок по залу разносился блюз, разбавляющий гул человеческих голосов. Официантка Таня, постоянно поправляя выпадающую на лоб прядь, поспешно двигалась за барной стойкой, частенько убегая за двери кухни. Постояв на пороге кофейни, Денис вышел обратно на улицу. В ближайшем ресторане быстрого питания «Большая ложка» он купил сэндвич с кофе на вынос и сел в свой автомобиль. Через два часа Таня вышла из переулочка за кофейней. Девушка попрощалась с подругой, перебежала дорогу и пошла по улице. Денис догнал ее на углу дома и быстро прижал свой автомобиль к обочине.

– Денис Андреевич! Не делайте так больше, вы меня напугали!

– Извини. Тебя подвезти?

– Да тут до автобусной остановки три минуты идти.

– Выбирай: ворчливый водитель на старом Hyundai, или обаятельный писатель на белом BMW?

Таня кокетливо поворошила снег изящной ножкой и села в машину, где Денис взял у девушки рюкзачок и положил его на заднее сиденье. Писатель узнал у своей пассажирки адрес, и автомобиль легко тронулся с места. Чувствуя, что Таня всматривается в его лицо, мужчина хитро улыбался.

– Устала сегодня?

– Да, сегодня такая запара была! Я думала, что помру к концу смены.

– Подожди умирать, сначала выпей со мной кофе.

– Денис Андреевич, у меня от переутомления галлюцинации, или мне не послышалось?

– Ты все правильно поняла.

– Прямо сейчас что ли? Я не в самой лучшей форме.

– Не обязательно сегодня. Можем выпить кофе или чего покрепче в твой выходной.

– Заманиваете безнадежную поклонницу на свидание, Денис Андреевич?

– Заманиваю, Татьяна. Есть возражения?

– Ну, не знаю, – Таня ухмыльнулась. – Соглашаться на свидание с взрослым, малознакомым мужчиной...

Таня согласилась встретиться, только когда автомобиль Дениса затормозил у ее дома. Все время поездки, девушка, не скрывая получаемого удовольствия, все кокетничала и дразнила писателя, отвечая ему односложными, вводными в заблуждение фразами. Денис условился встретиться с Татьяной на следующий день, после того, как у нее закончатся занятия в институте.

Когда писатель уже подъезжал к дому, ему позвонил Алек, предложивший «поколдовать» этим вечером над сломанным мотоциклом Kawasaki. Никаких других дел у Дениса в ближайшее время не предвиделось и он, согласившись, отправился в свой гараж убирать от мотоцикла ящики, коробки и банки.

Алек приехал на такси к восьми часам вечера, неспешно выбрался из него с пластмассовым кейсом в руках и, прихрамывая, побрел в сторону дома Дениса. Игнорируя ждущего его на крыльце писателя, он стоял и держался свободной рукой за калитку, мрачно смотря на деревянный дом, который возвышался перед ним. После этого гость зашел на участок и вяло поздоровался с хозяином дома за руку.

– Может, чаю или кофе с дороги?

– Давай сначала осмотрим твоего железного коня.

Алек присел перед мотоциклом на старую куртку, открыл кейс с инструментами и, потирая подбородок, принялся осматривать фронт работ, а Денис, стоя чуть поодаль, наблюдал за своим знакомым и потягивал из фляжки виски. На разложенную рядом с Kawasaki пленку стали опускаться запчасти. Алек попутно осматривал их и хорошенько протирал, изредка

косясь на слоняющегося рядом писателя, который постукивал указательным пальцем по банкам с краской.

– Слушай, – Алек принялся за чистку мощностных клапанов, – а у тебя есть лимонные кексы Kriks?

– Еще чего! – Денис брезгливо поморщился. – Эту приторную ерунду любишь только ты. Когда жил у меня целый год, то весь дом мне этими кексами провонял. Я их еще тогда прозвал «вонючим лакомством медбрата»...

– Формально я тогда еще только учился и не был медбратом.

– Сначала выучился на электрика, а затем – медбрата. Я смотрю, тебе очень нравилось ходить в колледж...

– Ну, – Алек блеснул на писателя глазами, – я учился по средствам, потому что у меня не было богатого папочки, который оплатил бы мне обучение в консерватории...

– А чего ты вообще вспомнил про эти противные кексы?

– Будь другом, сгоняй за ними в магазин! – Алек мазнул себе по лицу рукой и испачкал нос. – Уж больно люблю после возни с техникой попить с ними чая.

– Ладно, но я их есть не буду, – писатель достал из кармана ключи от автомобиля. – Себе я куплю нормальной еды...

– Ты, что, собрался ехать на машине?

– Ну, да.

– Но ты уже раз десять приложился к фляжке...

– Ладно, моралист, – Денис закатил глаза. – Пройдусь пешком.

Денису несколько раз приходилось возвращаться в магазин с половины пути до дома из-за звонков Алека, просившего докупить то одно, то другое. Не на шутку раздраженный, писатель, наконец, вернулся домой, но своего гостя в гараже не нашел. Когда Денис выкладывал покупки из пакета на кухонный стол, Алек спустился к нему со второго этажа.

– Что ты там делал?

– Мыл руки, – сказал гость, явно обиженный недоверием писателя. – В раковине на кухне – не помоешь из-за горы посуды, а в ванной комнате под лестницей не работают краны...

– Что с мотоциклом? – спросил Денис, рассматривая черное пятно копоти на носу своего гостя.

– Вал.

– Чего?

– От коррозии разъело вал привода помпы.

– И где его купить?

– На такой старый мотоцикл? Нигде. Я попрошу своего знакомого токаря, и он выточит тебе новый...

Они сели пить чай, и никто из них долго не нарушал воцарившегося за столом неловкого молчания. Гость часто начинал пристально смотреть на хозяина дома, от чего тот отводил глаза в сторону, делая вид, что заинтересовался рисунком на упаковке кексов или узором на чайной чашке.

– Как дела, вообще? – нарушил затянувшееся молчание Алек. – Чем себя развлекаешь последнее время?

– Ну, завтра свидание, – сам не зная почему, неожиданно сказал Денис. – Посмотрим, что из этого выйдет...

– Даже так, – гость помрачнел. – Но ты же понимаешь, что с моей племянницей не сравнится ни одна женщина? Ты всегда должен помнить, какого человека не сберег.

– Я ни на секунду этого не забываю, так что эти твои слова были лишними...

– А с другой стороны, сколько можно быть одному, верно? – Алек снова неожиданно подобрел. – Кстати, много у тебя было женщин после Веры?

– Для гостя, ты задаешь слишком бестактные вопросы, Алек.

– И все же?

– Ни одной.

– Ничего себе! За восемь лет ты ни разу не был с женщиной? Как тебя только пополам не порвало!

– Ты знаешь, что первые два года было не до того. Сказать, что было плохо, значит – ничего не сказать. А потом все как-то пошло по накатанной...

– Ну, тогда удачи тебе завтра. Какая хоть она?

– Не знаю. Обычная.

– Ну, она тебе хотя бы нравится?

– Ну да, конечно, – писатель отвел глаза. – Очень нравится...

За столом снова повисло неловкое молчание, во время которого Алек не переставал без всякого смятения всматриваться в лицо Дениса. Когда гостю это надоело, он съел все лимонные кексы и засобиравшись домой, пообещав, что в следующий раз принесет готовую деталь на замену, и мотоцикл писателя снова оживет. Денис проводил Алека до калитки, пожал на прощание его вялую руку и проследил, как тот идет, хромая, до подъехавшего такси. Писатель пожалел, что попросил Алека помочь с мотоциклом, потому что своим появлением этот человек бестактно напомнил ему о тяжелом времени, которое когда-то разделил с ним, о событиях, которые проснулись в памяти и отдавались в груди острой болью. Денис вернулся домой и, опустошив половину бутылки виски, провалился в беспокойный, хмельной сон.

Он проснулся из-за резкого звонка мобильного телефона, который дребезжал на прикроватной тумбочке. Писатель зевнул и ответил на вызов. Часы на стене его спальни показывали 8.30 утра.

– Привет, Денис. Ты дома?

– ... кто это?

– Ты соседей перестал узнавать что ли? Это Никита. Ты, вообще, видел, что делается у тебя перед домом?

– Что там может делаться в такую рань?

– А ты не ленись и посмотри. Это надо видеть...

Денис вяло встал с кровати и, почесавшись, зашаркал к окну. Он уперся лбом в холодное стекло и посмотрел на улицу. В этот момент глаза писателя широко раскрылись, и он, громко выругавшись, побежал на первый этаж. Когда мужчина выскочил в накинутах на плечи пальто, его шаг замедлился. Он медленно шел до своей калитки и всматривался в открывающееся за ней зрелище, словно желая убедиться – не привиделось ли ему. Небольшая часть его двора, вся прилегающая к дому территория и часть дороги, были залиты зловонной коричневой жижой. В этом воняющем месиве лежали раскрытые, закрытые и порванные экземпляры книг писателя, которые он издал за свою недолгую карьеру. А на заборе соседского дома напротив, был натянут длинный белый тент с красной надписью:

«Извините, книги Дениски Леваева немножко протекли».

На небольшом расстоянии от коричневого снега стояли несколько соседей Дениса и незнакомые ему прохожие. Когда хозяин дома показался и подошел достаточно близко к калитке, какой-то парень сфотографировал его на фоне разлитых канализационных стоков и валяющихся книг.

– Денис, сделай что-нибудь со всем этим! Мы не собираемся на это смотреть.

– Что вы все сюда слетелись? – Денис сжал кулаки – Это дерьмо, а не мед!

– Да, мы видим, – сфотографировавший Дениса парень толкнул носком грязного ботинка одну из валяющихся рядом книг, и среди собравшихся людей послышался тихий смех.

– Нет, серьезно, Денис. Мы конечно все понимаем. Но убери это, пожалуйста, как можно скорее. Реально неприятно это созерцать...

– Тварь..., – Денис заскрипел зубами. – Если бы я мог найти эту тварь...

Белый автомобиль остановился рядом с автобусной установкой. Напротив – из института с облупившимся фасадом, на котором красовалась золотая аббревиатура ДННВД, после занятий выходили студенты-заочники. Среди них Денис сразу заметил Таню с новой прической. Девушка перекинулась парой фраз с курящими однокурсниками и, помахав Денису рукой, пошла по пешеходному переходу.

– Привет. Ты какой-то мрачный. Что-то случилось?

– Нет, нет. Все просто замечательно. Кстати, ты потрясающе выглядишь.

– Спасибо! Ну, куда едем?

– Это сюрприз. Тебе придется завязать глаза.

– О, это похищение?

– Да. Уведу тебя к себе. Будешь невольницей в моем подвале.

– Я даже не знаю, пугаться мне или радоваться!

Автомобиль затормозил, и Таня с разрешения Дениса сняла повязку с глаз. Осмотревшись, она молча вылезла из машины, а Денис последовал за ней. Справа – на фоне леса, возвышался ресторан сферической формы с прозрачными, многогранными стенами, одна из которых упиралась своим фасадом в озеро. А впереди, за длинной парковкой стоял комплекс деревянных зданий конного клуба. Девушка стояла и трепетно рассматривала открывающиеся ее взору окрестности.

– Как красиво!

– Рад, что тебе понравилось. Пойдем, нас ждет конная прогулка, а потом ужин при свечах.

Таня, подобно маленькой девочке, радостно завизжала, прыгая на месте. После, густо покраснев, она уперлась лбом в грудь Денису. Мужчина обнял ее и, посмеиваясь, прижал к себе. Держась за руки, они прошли через высокую деревянную арку на территорию конного клуба.

Умиротворяющий заснеженный лес нависал над дорогой, ведущей вдоль замерзшего озера. Задеваемые Денисом и Таней еловые лапы сыпали им за шиворот снег, от чего всадники ухали и звонко смеялись. Спокойные лошади, фыркая и потряхивая головами, степенно несли всадников сквозь зимнее царство красоты и покоя. В просветах косматых елей были видны сторбленные фигурки рыбаков, сидящих на ледяной глади озера. Поодаль от Дениса и Тани на лошади ехала инструктор. Она внимательно наблюдала за поведением всадников и лошадей, давая паре советы по верховой езде.

В ресторане при конном клубе в воздухе парил аромат дерева, масла и жаркого. Легкий снежок приятно сыпал за окном, добавляя в сложившуюся атмосферу места уют и душевное спокойствие. Бутылка красного вина, отражая свет горящих свечей, аккуратно наклонилась, плеснув ароматное содержимое в бокал на изящной ножке. Денис поставил вино на стол, откинулся на стуле и стал наблюдать за Таней, отрезающей кусочек от запеченной утки. Раскрыв маленькую записную книжку, мужчина начал делать записи.

– Что ты пишешь?

– Записываю чувства и образы от сегодняшнего вечера.

– Это для новой книги, да?

Денис молчал, пока ручка, строчка за строчкой, опускалась вниз по линованной бумаге записной книжки. Подняв глаза на Таню, он увидел, что ее милое, румяное от прогулки и вина лицо, расплылось в смущенной, детской улыбке.

– Я лезу не в свое дело, да?

– Нет, просто боялся упустить мысль.

– Так это для книги?

- Я пока не знаю. Возможно.
- Почему я?
- Что, прости?
- Почему ты пригласил меня?
- Ты мне понравилась.

Таня опустила глаза и стала ворошить вилкой листья салата в тарелке. Денис, рассматривая черты лица своей спутницы, убрал записную книжку в карман. Девушка отпила из бокала, смотря мимо мужчины.

- Я тебя чем-то обидел?

– Нет, все чудесно, – Таня задумалась, подбирая слова. – Просто, мне не дает покоя одна мысль.

- Какая?
- Я боюсь ее озвучить.
- Почему?
- Просто боюсь, и все.
- Не бойся.

Денис нежно взял ее за руку. Таня робко улыбнулась и поправила изящную рыжую прядь. Когда она посмотрела на Дениса, в ее карих глазах заблестели маленькие, печальные искорки.

- Ты меня пригласил, потому что я намекала тебе на близость?

– Нет...

- Ты ответил не сразу.

Искорки увеличились, постепенно перерастая в слезинки, и девушка убрала свои руки со стола. Отпив сок из стакана, Денис достал свою записную книжку и стал читать вслух:

«До этой минуты я не понимал, насколько ценным может быть одно единственное мгновение. Суровые испытания, выпавшие на мою долю, и опасный, извилистый путь, ждущий впереди, померкли, когда я увидел ее. Все скрылось, сжавшись до единого мгновения. Даже прожитый миг близкой смерти, застывшей на расстоянии клинка, потерял всякий смысл. Вот оно – счастье. Не в одержанных победах, не в деньгах, и не в выпитом вине. Счастье в цыганке, чьи глаза подобно этой тихой лесной чаще манят меня, заманивают, чтобы погубить. Свернув с дороги, я стегаю коня, следуя за сладостным смехом незнакомой мне женщины. Я пробираюсь через пушистый снег, чтобы настигнуть это ускользающее мгновение. Еще раз увидеть каскад каштановых волос, медовый оттенок кожи и чарующую улыбку. Она оборачивается в седле и кокетливо дразнит меня, пока ее черный, как смоль конь, разбивает сугробы. Я кричу ей: «Постой!», но в ответ – лишь получаю надменный, звонкий смех, звучащий, как пение прекрасной и свободолюбивой птицы».

Денис захлопнул записную книжку и положил ее на стол. Его спутница молча сидела, смотря на гладкую поверхность книжки, как на дверь скрывающую что-то волнующее.

- Очень красиво.
- Ты меня на это вдохновила.

Таня встала и, обойдя стол, села к Денису на колени. Она обняла писателя за шею руками и прижалась щекой к его голове. Мужчина вдохнул запах волос девушки и обвил руками ее талию. Неожиданно, она прильнула к писателю губами, и он, чуть помедлив, ответил на ее спонтанный жест. Чувствуя горячее дыхание девушки, мужчина медленно гладил ее по спине, пока сидящие напротив люди, оставив свои блюда, с интересом за ними наблюдали.

Когда Денис закрыл на ключ входную дверь дома, Таня за его спиной уже сняла с себя блузку, и предмет одежды упал лоснящимся, зеленым каскадом на пол прихожей. Вскоре, в полумраке дома, девушка осталась стоять перед писателем в одном нижнем белье. Она драз-

нила Дениса, медленно водя руками по своей груди. Подхватив Таню на руки, писатель отнес девушку к дивану у камина.

Денис проснулся от нежного поглаживания по щеке. Таня, до этого изучающая черты его лица, подарила проснувшемуся мужчине поцелуй, поднялась с кровати и, покачивая голыми бедрами, выпорхнула из комнаты. Писатель проводил ее взглядом, воровато достал из прикроватной тумбочки приготовленную с прошлого вечера тетрадь и принялся писать в ней карандашом. Мужчина заполнил витиеватым почерком четыре страницы тетради и убрал ее обратно в тумбочку. После вылез из-под одеяла и пошел на шум льющейся воды, схватил мокрую девушку за грудь и прижал к настенной синей плитке.

– Какие мы ненасытные, Денис Андреевич!

– Зови меня Денис.

– Меня заводит, когда я называю тебя по имени-отчеству...

Позже, они сели за кухонный стол и под играющее радио стали пить кофе с пищей, привезенной службой доставки. Денис в халате, а Таня – в его майке. Писатель раскурил самокрутку и, затянувшись, предложил ее девушке. Таня выпустила из пухлых губ струю белого дыма и забарабанила пальцем по экрану своего смартфона.

– Сколько тебе лет, красавица?

– Обычно, этот вопрос задают до секса.

– Так сколько?

– Мне двадцать один год.

– Оставайся у меня жить.

– Ты это сейчас серьезно?

– Более чем. Сегодня заберем твои вещи, и заселяйся в любую свободную комнату в доме.

– А что я скажу своей тете?

– Скажи, что твои личные отношения переходят на новый этап.

– Неужели я настолько хороша в постели, Денис Андреевич?

– Прошедшая ночь показала, что у вас много талантов, Татьяна.

Девушка сделала еще одну затяжку и звонко рассмеялась.

– Ты меня специально перед этим вопросом одурманил?

– Не понимаю, о чем ты.

Девушка снова рассмеялась, покачивая головой. Она вскочила из-за стола и стала танцевать под звучащую из радиоприемника музыку. Через минуту резкие, озорные движения ее грациозного тела стали плавными и соблазняющими. Медленно извиваясь, Таня сбросила с себя майку и кинула ее Денису на голову.

– Я подумаю над вашим предложением, Денис Андреевич...

В этот же вечер Денис закрылся у себя в кабинете, и пока Таня раскладывала в спальне свои вещи, включил рацию ровно в 12.00. Средство связи затрещало, и через какое-то время из его динамика раздался знакомый, неестественно звучащий голос.

– Тшшш. Дениска! Ты меня расстроил! Я так хотел поговорить с тобой вчера, узнать, долго ли ты убирался после того как протекли твои вонючие книжонки. Прием!

– Я найду тебя и задушу голыми руками...

– Тшшш. Ты снова не говоришь: «Прием». Так не пойдет. Прием!

– А знаешь, ты трудился напрасно, – Денис понизил голос. – Я соблазнил отличную девочку и буду ее использовать в своих целях. Без всяких угрызений совести. И твои выходки мне не мешают!

– О, Дениска. То были цветочки. Ягодки у нас еще впереди. Прием!

– Да делай что хочешь, неудачник. Трать и дальше свое время на всякую ерунду. А я плюю на тебя. Хоть лбом расшибись, но ты не дождеешься того, чего так неумело добиваешься. Я буду жить в свое удовольствие. И знаешь, что? Я пишу самый черный роман, на который

только способен. Я пойду на все, чтобы он увидел свет! И когда он будет готов, я вышлю тебе экземпляр с нарисованным средним пальцем на форзаце! Это будет мой тебе автограф, конченный ты ублюдок!

– Милый, с кем ты там разговариваешь? – дверь кабинета подергали с обратной стороны. – Я слышала крики.

– Все в порядке, Танюш. Я общаюсь со старым приятелем...

На курсы писателей пришло сорок пять человек. Они забили весь застекленный зал и гудели подобно пчелиному улью. Денис, стоящий в ванной комнате – за углом от конференц-зала, отлично слышал это мерное гудение ожидающей его толпы. Он уперся дрожащими руками в края белой раковины и смотрел на свое отражение широко раскрытыми глазами. Его дыхание сбивалось, а ноги подкашивались.

– Давай, ты сможешь! Ради своего детища!

Мужчина закинул трясущейся ладонью в рот две таблетки транквилизатора, запил их стаканом воды и, натянув широкую улыбку, вышел к собравшимся людям. Под сдержанные аплодисменты мужчина прошел вдоль сидящих людей и уселся на край стола, расположенного у черной доски.

– Дорогие друзья, здравствуйте. В первую очередь, хочу извиниться за то, что уже три года не радовал вас авторскими встречами. Кроме тех, что выпадали на выход новых книг, конечно. Чтобы искупить свою вину, я хочу поделиться с вами своим писательским опытом.

– Искупление вашей вины за наши деньги? – донеслось из аудитории под тихий смех. Мужчина растеряно улыбнулся и, хлопнув в ладоши, продолжил:

– Именно так! Потому что я расскажу вам нечто действительно ценное. Кроме стандартных правил писательского искусства, вы узнаете о главных опорах современной медиа культуры, приносящих колоссальную прибыль. Я расскажу вам, какое содержание должно быть у вашей книги, чтобы она хорошо продавалась. После каждого занятия вы будете выходить отсюда с ценнейшими знаниями, и ваше восприятие изменится навсегда. Вы станете другими. Я хочу, чтобы искусство лилось сквозь вас. Я хочу, чтобы искусство приносило вам деньги. И для этого, я укажу вам верный путь.

В хоре раздались вялые аплодисменты и тихий кашель. Люди фотографировали, снимали на видео, перешептывались и слушали выступающего с блокнотами наготове. Денис выждал паузу, окидывая аудиторию взглядом.

– Итак. Скажите, дорогие друзья, с чего начинается писательство?

– С идеи?

– Нет, очаровательная девушка во втором ряду.

– С вдохновения?

– Нет. Ну же смелее, еще варианты?

– С персонажа?

– Нет. Запомните, дорогие друзья, писательство начинается с выбора. Когда человек решает сеять семена слов на бумагу, он должен определиться, делает ли он это для себя или ради коммерции. Если человек видит в возможности издать книгу исключительно способ самореализации, то может не заморачиваться о коммерческом потенциале своего творения. Для такого писателя важны лишь те идеи, которыми он хочет поделиться и его читатель со временем обязательно найдется. Но, если вы хотите писать для широкой аудитории и неплохо продаваться, вы должны всегда держать нос по «коммерческому ветру». Коммерчески ориентированные писатели знают, о чем писать и на чем сосредоточить внимание массового читателя. Такие авторы могут не заморачиваться о культурной ценности своего произведения, так как это лишь оригинальный способ бизнеса. Лишние интенции в коммерции ни к чему. Конечно, часто бывает и так, что востребованный писатель сочетает в своих произведениях и художе-

ственное качество, и высокий коммерческий потенциал. Но это результат потраченного времени, длительного тяжелого труда и пары щепоток таланта с удачей. Такое удастся далеко не всем, поэтому, давайте будем реалистами?

За окном здания, словно смеясь, громко и хрипло прокаркала ворона.

– Так, надеюсь, с выбором понятно. Теперь я расскажу вам о нюансах писательского дела: об общем настрое, планировании времени, сборе информации и разработке сюжета. А в конце, если успеем, скажу пару слов об образе главного героя произведения. Итак...

Пока Денис расхаживал у черной доски и, как дирижер, махал руками, настраивая своих слушателей на музыку собственного сознания, люди записывали сказанное им в блокноты и тетради. Замолчав, мужчина подошел к панорамному окну и стал всматриваться в свое отражение.

– Избегая клише про «самую обычную избранную», оборотней, черные плетки и любовные треугольники, скажу вам: в медиа сфере главным достоинством персонажа с глубокой мотивацией является его социальный статус. Благодаря статусу можно понять, сколько человек сделал для того, что добраться до своей собственной вершины. Герой вашего произведения должен уметь испытывать себя на прочность и знать, чего он хочет от жизни. Он должен либо уже быть богатым, либо стремиться к собственному благосостоянию. При этом благосостояние не всегда означает деньги. Это может быть и преимущество в силу выгодного знакомства или удачного стечения обстоятельств. Даже, если, персонаж просто хочет помогать другим, сначала он должен помочь себе. Ведь благодаря социальному статусу и благосостоянию в настоящей жизни, людьми творится великое добро и ужасное зло. Поэтому, моральный облик человека неразрывно связан с его благосостоянием. *Все* начинается с благосостояния.

Денис облизал пересохшие губы и налил себе стакан воды. Делая медленные глотки, он смотрел в потолок. В это время в аудитории нарастал шум – несколько человек с задних рядов встали и ушли.

– Простите, но как же моральные качества человека? – спросила девушка в первом ряду.

– А что с ними? – Денис сложил руки на груди. – Все решает благосостояние.

– История знает много литературных произведений, где сокровищем человека был его внутренний мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.